

ЯЗЫКЪ и НАРОДНОСТЬ ¹⁾.

Довольно распространено мнѣніе, что своеобразность народности находится въ прямомъ отношеніи къ степени ея отчужденности отъ другихъ и въ обратномъ къ степени цивилизаціи. Послѣдователи этого мнѣнія поясняютъ его приблизительно такимъ образомъ.

Мы видимъ, говорятъ они, что въ настоящее время своеобразность нравовъ, обычаевъ, костюмовъ можно найти лишь въ какихъ-либо глухихъ углахъ Европы, между тѣмъ какъ въ старину было иначе. Теперь житель какого-нибудь нѣмецкаго или французскаго захолустья смотреть даже не нѣмцемъ или французомъ, но носить совершенно особый отпечатокъ, только и принадлежащій данной мѣстности. Напротивъ, у цивилизованнаго человѣка, особенно человѣка, много путешествовавшаго по Европѣ, является общекультурный типъ, характеризующій уже не француза, англичанина, нѣмца, а вообще цивилизованнаго человѣка. Между образованными людьми всѣхъ націй болѣе общаго не только въ теоретическихъ убѣжденіяхъ, но и въ чертахъ характера, чѣмъ между образованными людьми извѣстнаго народа и ихъ необразованными соотечественниками. Въ этомъ убѣждаетъ, между прочимъ, сравненіе себя и своихъ знакомыхъ съ одной стороны—съ героями иностранныхъ романовъ, находящихся въ одинаковомъ общественномъ положеніи, съ другой—съ лицами изъ простонародья въ русскихъ повѣстяхъ.

Это явленіе представляется произведеніемъ двухъ факторовъ, дѣйствующихъ совмѣстно, именно: успѣховъ человѣческой мысли, направленной на изученіе природы, и врожденной человѣку подражательности.

Откуда бы ни происходило различіе народностей, во всякомъ случаѣ оно поддерживается пространственнымъ разобщеніемъ и раз-

¹⁾ Статья, напечатанная въ „Вѣстн. Евр.“ 1895, сент. и въ соч. „Изъ зап. по теоріи словесности“. 1905.

личієм географическихъ вліяній. Но сношенія между людьми облегчаются и увеличиваются, благодаря изобрѣтеніямъ, какъ пароходы, желѣзныя дороги, телеграфы и пр. Принудительность географическихъ условій теряетъ свою силу, по мѣрѣ того, какъ, благодаря власти надъ пространствомъ, человѣкъ получаетъ возможность мѣнять мѣсто жительства и создавать себѣ искусственную среду, болѣе благоприятную для жизни, чѣмъ какія-либо изъ данныхъ природою. Смѣшеніе между людьми различныхъ народовъ влечетъ за собою скрещиваніе видовъ и образованіе общихъ типовъ. Все, что увеличиваетъ сношенія между людьми, усиливаетъ нивелирующее дѣйствіе подражательности, искони свойственной человѣку, сначала рефлективной, произвольной, потомъ сознательной и критической. Подражательность производитъ сліяніе племенъ въ народы, аналогично съ чѣмъ можно предвидѣть, что рано или поздно, положимъ черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, народы сольются въ одну общечеловѣческую народность. Указаніемъ на возможность такого явленія служатъ въ прошедшемъ и настоящемъ явленія, какъ распространеніе культуры извѣстнаго народа на многіе другіе, какъ смѣна народныхъ культовъ христіанствомъ, не признающимъ народныхъ различій. Когда изъ двухъ народовъ одинъ заимствуетъ у другого, напр., устройство суда присяжныхъ, а второй у перваго устройство быта крестьянъ, то оба становятся сходнѣе другъ съ другомъ, чѣмъ были прежде.

Препятствія заимствованію и подражанію, поставляемыя въ настоящее время различіемъ языковъ, могутъ сгладиться и исчезнуть. Указанія на это есть въ прошедшемъ и въ настоящемъ. И прежде были языки, какъ греческій, латинскій, вліяніе коихъ простиралось далеко за ихъ первоначальныя границы. Теперь есть между-народные языки образованныхъ людей всѣхъ націй, зная которые, можно объѣхать весь земной шаръ. И кромѣ этихъ общеупотребительныхъ, такъ-называемыхъ всемірныхъ языковъ, мы видимъ, что какъ скоро въ данной мѣстности поселяется нѣсколько племенъ и какъ скоро необходимость заставляетъ ихъ стремиться ко взаимному пониманію, между ними устанавливается общность языка двумя путями: или тѣмъ, что языкъ сильнѣйшаго племени вытѣсняетъ языкъ слабѣйшаго, который при этомъ исчезаетъ (напр., нарѣчія обрусѣлыхъ финновъ), или тѣмъ, что изъ смѣшенія происходятъ амальгамированные языки, каковы: англійскій, французскій, итальянскій, испанскій, венгерскій.

Къ этому присоединяется мнѣніе, что все увеличивающееся число переводовъ съ одного языка на другой, т.-е. увеличеніе количества и напряженность усилій передать средствами одного языка сказанное на другомъ, должно сглаживать ихъ различія. Кромѣ того, полагають, что высшее развитіе ослабляетъ въ языкѣ звуковой элементъ и усиливаетъ логическій, считаемый общечеловѣческимъ, выводить изъ употребленія своеобразныя обороты и поговорочныя выраженія.

Одинъ изъ сильныхъ авторитетовъ по части славянскаго языкознанія, Миклошичъ, того мнѣнія, что въ языкахъ Европы возникаетъ общій новоевропейскій синтаксисъ, основанный на синтаксисѣ классическихъ языковъ.

Таковыя извѣстныя намъ соображенія заставляютъ предположить, что ходъ развитія человѣчества, направленный къ освобожденію человѣка отъ давленія вѣдшей природы, исподоволь слагаетъ съ него и оковы народности. При этомъ предполагается, что существованіе одного общечеловѣческаго языка было бы настолько согласно съ высшими потребностями человѣка, насколько выгодно для насъ искусственныя условія жизни, благодаря которымъ уже теперь въ Петербургѣ можно имѣть тропическіе плоды.

Этимъ соображеніямъ мы противопоставляемъ другія, имѣющія для насъ болѣе силы.

1) Какое значеніе имѣетъ подражательность въ личной жизни? Особь во всѣхъ сферахъ жизни есть нѣчто въ высокой степени самодѣятельное по отношенію къ вліяніямъ другихъ особей и остальной природы. Человѣкъ въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, есть конецъ ряда низшихъ существъ. Всякая сила дѣйствуетъ на него не иначе, какъ видоизмѣняясь въ немъ и вызывая въ немъ противодѣйствіе. Подражаніе, вызываемое въ человѣкѣ извѣстнымъ дѣйствіемъ, не можетъ быть точнымъ повтореніемъ этого дѣйствія, по той причинѣ, что для такого повторенія подражающему нужно бы было быть тождественнымъ съ тѣмъ, что произвело это дѣйствіе, и притомъ въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ; послѣднее невозможно уже по одному физическому закону непроницаемости, не говоря о болѣе сложныхъ законахъ мысли. Если этихъ апріорныхъ соображеній недостаточно, то можно простымъ наблюденіемъ увѣриться, что произвольное, не доходящее до сознанія субъекта подражаніе движеніямъ и звукамъ другого даетъ движенія, при благоприятныхъ условіяхъ, только сходныя, а не тождественныя. На болѣе высокихъ ступеняхъ душевной жизни подражаніе другому лицу

или есть понимание его движений и звуковъ.—такъ-что, перифразируя: „du gleichst dem Geist, den du begreifst“, можно сказать, что „das Gleichen“ есть только „das Begreifen“,—или предполагаетъ это понимание.

Но извѣстно, что взаимное понимание не есть перекладываніе одного и того же содержанія изъ одной головы въ другую, но состоитъ въ томъ, что лицо *a*, связавшее содержаніе своей мысли съ извѣстнымъ внѣшнимъ знакомъ (движеніемъ, звукомъ, словомъ, изображеніемъ), посредствомъ этого знака вызываетъ въ лицѣ *b* соотвѣтственное *содержаніе*. Но понимающіе другъ друга могутъ быть сравнены съ двумя различными музыкальными инструментами, приведенными между собою въ такую связь, что звукъ одного изъ нихъ вызываетъ не такой же, но соотвѣтственный звукъ другого.

Такимъ образомъ подъ словомъ „свѣча“, я могу понимать точно то же, что мой собесѣдникъ, когда органы воспріятій у насъ различны, а накопленіе воспоминаній (объ этомъ) различно гораздо болѣе того. Этимъ объясняется парадоксъ, что всякое, даже самое полное, пониманіе есть въ то же время непониманіе. Человѣкъ не можетъ выйти изъ круга своей личной мысли ¹⁾.

То, что называется общимъ уровнемъ мысли между людьми, возможно лишь благодаря способности отвлеченія, то-есть сведенія дѣйствительнаго различія мыслей въ различныхъ субъектахъ на извѣстный минимумъ различія, и благодаря фикціи, состоящей въ принятіи этого минимума за эквивалентъ полныхъ мыслей.

Эти элементарныя, но многими игнорируемыя положенія объясняютъ намъ многое. Во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни „несамостоятельность“, „подражательность“ выражаютъ лишь извѣстныя, болѣе или менѣе низкія степени различія самостоятельности, своеобразности мыслей и дѣйствій. Въ другомъ, безусловномъ смыслѣ эти понятія немислимы.

Такъ, напр., можно поддѣлывать подписи, но увеличительное стекло откroетъ поддѣлку; можно тщательно списывать прописи, но образовать себѣ точно такой почеркъ, какъ у другого, невозможно. Можно воспитаніемъ достигнуть многого: сдѣлать человѣка болѣе

¹⁾ Мысль и чувства человѣка невыразимы, хотя для насъ необходимо противоположное этому убѣжденіе, такъ что эта невыразимость сознается и даже становится руководящимъ принципомъ лишь въ исключительныхъ настроеніяхъ: „Молчи, скрывайся и тай“ (Silentium Тютчева).

или менѣ энергичнымъ, свѣдущимъ, правдивымъ; но обезличить его, сдѣлать совершенно похожимъ на образецъ, невозможно.

Понятно, что такъ какъ народы состоятъ изъ лицъ и соприкасаются между собою черезъ посредство лицъ, то все сказанное о своеобразности и замкнутости лица примѣняется и къ народу настолько, насколько его единство сходно съ единствомъ лица. Взаимное вліяніе народовъ есть тоже лишь взаимное возбужденіе ¹⁾. Распространеніе культуры одного народа на другіе кажется намъ объединеніемъ народовъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы витаемъ на холодныхъ высотахъ абстракціи. Но если мы сообразимъ, что немногіе признаки, повтореніе коихъ мы замѣчаемъ въ жизни разныхъ народовъ, существуютъ въ дѣйствительности лишь въ группахъ множества другихъ признаковъ, какъ конкретныя явленія, то мы принуждены будемъ говорить, напр., не о томъ, что единое въ себѣ и неизмѣнное христіанство разлилось по цивилизованному миру, а лишь о томъ, что христіанство въ видѣ первоначально опредѣленнаго возбужденія было поводомъ возникновенія цѣлой цѣпи христіанствъ, весьма различныхъ между собою, если разсматривать ихъ въ ихъ конкретности. Есть не только восточное и западное, но и русское, польское, нѣмецкое христіанство и даже нѣмецкія христіанства. Вся сила въ томъ, чтобы не принимать своихъ абстракцій за сущности, что, однако, дѣлается, когда разсматриваютъ, напр., христіанство независимо отъ среды, въ коей оно проявляется.

Другой примѣръ, поясняющій свойства традиціи, представляютъ странствующіе повѣсти и рассказы. О многихъ изъ нихъ мы, благодаря мастерамъ особаго рода литературныхъ изслѣдованій, какъ Бенфей, Либрехтъ и многіе другіе, можемъ сказать, что ихъ мотивы обошли безъ малаго весь земной шаръ, перебивали и остались у множества народовъ, начиная отъ японцевъ и готтентотовъ. Казалось бы, что эти странствованія суть очевидныя доказательства способности всѣхъ народовъ воспроизводить одно и то же содержаніе. Но, спрашивается, имѣемъ ли мы основаніе называть эти географическія и хронологическія передвиженія жизнью въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы приписываемъ жизнь языку? Конечно, да. Если же такъ, то къ странствующимъ литературнымъ мотивамъ долженъ быть приложенъ тотъ взглядъ, котораго мы держимся относительно формъ языковъ.

¹⁾ О подражательности, какъ средствъ образованія національностей: Беджготъ, Естествознаніе и политика, стр. 134 и слѣд.

Важность грамматической формы состоит въ ея функціи, которая, конечно, должна имѣть мѣсто прикрѣпленія. Подобнымъ образомъ главное въ странствующемъ разсказѣ есть то, какъ онъ дѣйствуетъ, т.-е. понимается и примѣняется на каждой точкѣ своего пути.

Весьма почтенныя литературныя изслѣдованія такихъ разсказовъ со стороны ихъ абстрактнаго тождества по своему характеру и значенію равняются такимъ грамматическимъ изслѣдованіямъ, которыя разсматриваютъ не формы, а ихъ препараты, лишенные функціи, т.-е. жизни.

Признаніе, что мотивы странствующихъ повѣстей неизмѣнны, равносильно съ господствующимъ мнѣніемъ, что значеніе корня остается неизмѣннымъ во всемъ семействѣ словъ и падаетъ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ.

То же самое можно сказать о всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ. Жизнь ихъ состоитъ въ томъ, что они понимаются и какъ понимаются. Въ противномъ случаѣ о нихъ стоитъ говорить не болѣе, какъ о глыбѣ камня, кускѣ полотна и пр. Если же такъ, то кто станетъ утверждать, что пониманіе и вліяніе произведеній греческаго ваянія одно и то же въ цвѣтущія времена Греціи и теперь? Тогда и теперь—это совершенно различныя произведенія искусства, имѣющія лишь одинъ и тотъ же матеріальный субстратъ, но не одну и ту же, такъ сказать, душу. Эти различія измѣняются не только по времени, но и по народамъ.

Еслибы языки были только средствами обозначенія мысли уже готовой, образовавшейся помимо ихъ, какъ дѣйствительно думали въ прошломъ, отчасти и въ нынѣшнемъ вѣкѣ, то ихъ различія по отношенію къ мысли можно бы сравнить съ различіями почерковъ и шрифтовъ одной и той же азбуки. Намъ болѣе или менѣе все равно, какимъ почеркомъ ни написать, какимъ шрифтомъ ни напечатать книгу, лишь бы можно было разобрать; такъ было бы безразлично для мысли, на какомъ языкѣ ее ни выразить. При такомъ положеніи дѣла было бы вѣроятно, что какъ скоро распространилось бы убѣжденіе, что разница между языками лишь внѣшняя и несущественная, что привязанность къ своему языку есть лишь дѣло привычки, лишенной глубокихъ основаній, то люди стали бы мѣнять языкъ съ такою же легкостью, какъ мѣняютъ платье. Въ результатъ можно бы ожидать того, что подобно тому, какъ ради извѣстныхъ удобствъ филологи приспособляютъ латинскій языкъ ко множеству различныхъ языковъ, и какъ устанавливаются общія

системы мѣръ и вѣсовъ, рано или поздно былъ бы принять скорѣе всего совершенно искусственный, наиболѣе легкій и простой общій языкъ. Можно бы ожидать, что такой языкъ, зародившись на вершинахъ интеллигенціи, имѣющей уже и теперь общіе искусственные языки для глазъ, каковы цифры, алгебраическіе, химическіе и метеорологическіе знаки, постепенно спускался бы въ низшія сферы и наконецъ обнялъ бы все человѣчество. Но нашему вѣку принадлежитъ открытіе, что языки потому только служатъ обозначеніемъ мысли, что они суть средства преобразованія первоначальныхъ, до-язычныхъ элементовъ мысли; потому въ этомъ смыслѣ они могутъ быть названы средствами созданія мысли. Языки различны не только по степени своего удобства для мысли, но и качественно, то-есть такъ, что два сравниваемые языка могутъ имѣть одинаковую степень совершенства при глубокомъ различіи своего строя. *Общечеловѣческія* свойства языковъ суть: по звукамъ—членораздѣльность, съ внутренней стороны—то, что всѣ они суть системы символовъ, служащихъ мысли. Затѣмъ всѣ остальные ихъ свойства суть *племенные*, а не общечеловѣческія. Нѣтъ ни одной грамматической и лексической категоріи, обязательной для всѣхъ языковъ.

Хотя въ настоящее время языкознаніе большею частью не въ состояніи услѣдить за тѣмъ, какимъ образомъ первоначальная техника мысли, условленная языкомъ, сказывается въ сложныхъ произведеніяхъ мысли; но тѣмъ не менѣе стоитъ прочно то положеніе, что эта техника гораздо важнѣе для совершенства и качества произведенія мысли, чѣмъ напр., приемы, орудія и матеріалы рисованія, живописи, гравюры для произведеній этихъ искусствъ.

Эта техника, знаемъ ли мы объ этомъ, или нѣтъ, непременно сказывается во всемъ, чтобы мысль ни создала черезъ посредство языка ¹⁾.

Разсматривая языки, какъ глубоко различные системы приемовъ мышленія, мы можемъ ожидать отъ предполагаемой въ будущемъ замѣны различія языковъ однимъ общечеловѣческимъ—лишь пониженія уровня мысли. Ибо если объективной истины нѣтъ, если доступная для человѣка истина есть только стремленіе, то сведеніе различныхъ направленій стремленія на одно не есть выигрышъ.

¹⁾ Лишь при помощи языка созданы грамматическія категоріи и параллельные имъ общіе разряды философской мысли; внѣ языка онѣ не существуютъ и въ разныхъ языкахъ различны. Самое содержаніе мысли относится къ этимъ категоріямъ различно въ разныхъ языкахъ даже народовъ сродныхъ и живущихъ въ сходныхъ физическихъ условіяхъ.

Языкъ не есть только извѣстная система пріемовъ познанія, какъ и познаніе не обособлено отъ другихъ сторонъ человѣческой жизни. Познаваемое дѣйствуетъ на насъ эстетически и нравственно. Языкъ есть вмѣстѣ путь сознанія эстетическихъ и нравственныхъ идеаловъ, и въ этомъ отношеніи различіе языковъ не менѣе важно, чѣмъ относительно познанія. (Необязательность эстетическихъ идеаловъ, см. „Изъ зап. зап. по теоріи словестн.“ стр. 109 и сл.).

Языкъ можно сравнить съ зрѣніемъ. Подобно тому, какъ малѣйшее измѣненіе въ устройствѣ глаза и дѣятельности зрительныхъ нервовъ неизбѣжно даетъ другія воспріятія и этимъ вліяетъ на все міросозерцаніе человѣка; такъ каждая мелочь въ устройствѣ языка должна давать безъ нашего вѣдома свои особыя комбинаціи элементовъ мысли. Вліяніе всякой мелочи языка на мысль въ своемъ родѣ единственно и ничѣмъ незамѣнимо.

Человѣкъ, говорящій на двухъ языкахъ, переходя отъ одного языка къ другому, измѣняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ и направленіе теченія своей мысли, при томъ такъ, что усиленіе его воли лишь измѣняетъ колею его мысли, а на дальнѣйшее теченіе ея вліяніе лишь посредственно. Это усиленіе можетъ быть сравнено съ тѣмъ, что дѣлаетъ стрѣлочникъ, переводящій поѣздъ на другіе рельсы. Это сознавалось съ большею или меньшею ясною уже давно, въ посвященіи грамматики Ломоносова. И наоборотъ, если два и нѣсколько языковъ довольно привычны для говорящаго, то вмѣстѣ съ измѣненіемъ содержанія мысль невольно обращается то къ тому, то къ другому языку. Мнѣ кажется, это можно наблюдать въ нѣкоторыхъ западно-русскихъ грамотахъ, въ коихъ, смотря по содержанію рѣчи, выбивается наверхъ то польская, то малорусская, то церковно-славянская струя. Это же явленіе составляетъ реальное основаніе Ломоносовскаго дѣленія слога на возвышенный, средній и низкій.

Примѣромъ того же служить двуязычность высшихъ классовъ русскаго общества.

„Въ этомъ, вполнѣ русскомъ, семействѣ Тютчевыхъ,—говоритъ Аксаковъ,—почти исключительно господствовалъ французскій языкъ, такъ что не только всѣ разговоры, но и вся переписка родителей съ дѣтьми и дѣтей между собою, какъ въ ту пору, такъ и потомъ въ теченіе всей жизни велась не иначе, какъ по-французски. Это господство французской рѣчи не исключало у Екатерины Львовны (матери Ѳ. И. Тютчева, ум. въ 1866, на 90-мъ году жизни) приверженности къ русскимъ обычаямъ и удивительнымъ образомъ уживалось рядомъ съ церковно-славянскимъ чтеніемъ псалтырей,

часослововъ, молитвенниковъ у себя въ спальной, и вообще со всѣми особенностями русскаго православнаго и дворянскаго быта. Явленіе, впрочемъ, очень нерѣдкое въ концѣ XVIII и въ самомъ началѣ XIX, когда русскій литературный языкъ былъ еще дѣломъ довольно новымъ, еще только достояніемъ любителей словесности, да и дѣйствительно не былъ еще достаточно приспособленъ и выработанъ для выраженія всѣхъ потребностей перенятаго у Европы общежитія и знанія. Вмѣстѣ съ готовою западною цивилизаціею заимствовалось и готовое чужое орудіе обмѣна мыслей. Многіе русскіе государственные люди, превосходно излагавшіе свои мнѣнія на французскомъ, писали по-русски самымъ неуклюжимъ, варварскимъ образомъ, точно съѣзжали съ торной дороги на жесткія глыбы только-что поднятой нивы. Но часто, одновременно съ чистѣйшимъ французскимъ жаргономъ и... изъ однихъ и тѣхъ же устъ можно было услышать живую, почти простонародную, идиоматическую рѣчь, *болѣе народную* во всякомъ случаѣ, чѣмъ наша настоящая книжная или разговорная. Разумѣется, такая *устная* рѣчь служила чаще для сношеній съ крѣпостною прислугою и съ низшими слоями общества, но тѣмъ не менѣе эта грубая противоположность, эта рѣзкая бытовая черта, рядомъ съ вѣрностью бытовымъ православнымъ преданіямъ, объясняетъ многое и очень многое въ исторіи нашей литературы и нашего народнаго самосознанія¹⁾. „Не странно ли, что при всей рѣзкости *народнаго* (?) направленія мысли въ Тютчевѣ, нашъ высшій свѣтъ, high life, не только не отвергалъ Тютчева и не подвергалъ равному съ славянофилами осмѣянію и гоненію, но всегда признавалъ его своимъ, по крайней мѣрѣ интеллигентный слой этого свѣта. Конечно, этому причиною было то обаяніе всесторонней культуры, которое у Тютчева было такъ нераздѣльно съ его существомъ и влекло къ нему всѣхъ, даже несогласныхъ съ его политическими убѣжденіями. Эти убѣжденія представлялись достойными сожалѣнія крайностями, оригинальностью, капризомъ, парадоксальностью сильнаго ума и охотно прощались Тютчеву ради его блестящаго остроумія, общительности, привѣтливости, ради утонченнаго изящнаго европейзма всей его внѣшности. Къ тому же всѣ „національныя идеи“ Тютчева представлялись обществу чѣмъ-то *отвлеченнымъ* (чѣмъ, повидимому, онѣ и были въ немъ отчасти), дѣломъ *мнѣнія* (une opinion comme une autre!), а не дѣломъ жизни. Дѣйствительно, онѣ не вно-

¹⁾ И. Аксаковъ, біографія Г. И. Тютчева. М. 1886 стр. 9—10.

силы въ отношеніи Тютчева къ людямъ ни исключительности, ни нетерпимости; онъ не принадлежалъ ни къ какому литературному лагерю и былъ въ общеніи съ людьми всѣхъ круговъ и становъ; они не видоизмѣняли его привычекъ, не пересоздавали его частнаго быта, не налагали на него никакого клейма ни партіи, ни національности“.... „Но точно ли этотъ русскій элементъ въ Тютчевѣ былъ одною отвлеченностью, мыслью, только дѣломъ мнѣнія? Нѣтъ; любовь къ Россіи, вѣра въ ея будущее, убѣжденіе въ ея верховномъ историческомъ призваніи владѣла Тютчевымъ могущественно, упорно, безраздѣльно, съ самыхъ раннихъ лѣтъ и до послѣдняго издыханія. Они жили въ немъ на степени какой-то стихійной силы, болѣе властительной, чѣмъ всякое иное личное чувство. Россія была для него высшимъ интересомъ жизни; къ ней устремлялись его мысли на смертномъ одрѣ. А между тѣмъ странно подумать, что стихотвореніе по случаю посѣщенія русской деревни („Ахъ, нѣтъ, не здѣсь, не этотъ край безлюдный былъ для души моей родимымъ краемъ“) и стихотвореніе „Эти бѣдныя селенія“, написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ“ ¹⁾.

О. И. Тютчевъ служить превосходнымъ примѣромъ того, какъ пользованіе тѣмъ или другимъ языкомъ даетъ мысли то или другое направленіе, или, наоборотъ, какъ въ предчувствіи направленія, которое приметъ его мысль въ слѣдующее мгновеніе, человѣкъ берется за тотъ или другой изъ доступныхъ ему языковъ. Два рода умственной дѣятельности идутъ въ одномъ направленіи, переплетаясь между собою, но сохраняя свою раздѣльность, черезъ всю его жизнь, до послѣднихъ ея дней. Это съ одной стороны поэтическое творчество на русскомъ языкѣ, съ другой стороны—мышленіе политика и дипломата, свѣтскаго человѣка въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ—на французскомъ.

„Въ 22 года его почти безвыгѣднаго пребыванія за границей, —говорить его биографъ,—онъ почти не слышитъ русской рѣчи, а по отъѣздѣ Хлопова (бывшаго крѣпостного дядьки Тютчева, взаимно связаннаго съ нимъ тѣсною дружбой) и совсѣмъ лишается того немногаго, хотя и благотворнаго соприкосновенія съ русскою бытовою жизнью, которое доставляло ему присутствіе его дядьки въ Мюнхенѣ. Его первая жена ни слова не знала по-русски, также какъ и вторая, выучившаяся русскому языку уже по переселеніи въ Россію (и собственно для того, чтобы понимать стихи своего

¹⁾ Тамъ же, стр. 75, 76.

мужа). Слѣдовательно, самый языкъ его домашняго быта былъ чуждый. Съ русскими путешественниками бесѣда происходила, по тогдашнему обычаю, всегда по-французски; по французски же, исключительно, велась и дипломатическая корреспонденція, и его переписка съ родными¹⁾.

„По собственному его признанію, онъ тверже выражалъ свою (прозаическую) мысль по-французски, нежели по-русски, свои письма и статьи писалъ исключительно на французскомъ языкѣ и, конечно, на девять десятыхъ болѣе говорилъ въ своей жизни по-французски, чѣмъ по русски. А между дѣмъ стихи у Тютчева творились *только по-русски*. Значить, изъ глубочайшей глубины его духа была ключемъ у него поэзія, изъ глубины, недостигаемой даже для его собственной воли,—изъ тѣхъ тайниковъ, гдѣ живетъ наша первообразная природная стихія, гдѣ обитаетъ самая правда чело-вѣка“²⁾. Стихи у него не были плодомъ *труда*, хотя бы и вдохновеннаго, но все же труда, подчасъ даже усидчиваго у многихъ поэтовъ. Онъ ихъ (создавалъ) и записывалъ. Лучшіе созданы мгновенно.

Тютчевъ представляетъ поучительный примѣръ не только того, что различные языки въ одномъ и томъ же чело-вѣкѣ связаны съ различными областями и приѣмами мысли, но и того, что эти различные сферы и приѣмы въ одномъ и томъ же чело-вѣкѣ разграничены и вещественно. Во время предсмертной болѣзни, съ половиною тѣла пораженной параличемъ, Тютчевъ почти до смерти сохранялъ способность къ блестящей французской рѣчи и живой интересъ къ политикѣ. Разъ, послѣ продолжительнаго обморока, первыми словами его были: „какія послѣднія новости изъ Хивы?“ Между тѣмъ власть надъ стихомъ и чувство стихотворной мѣры оставили его гораздо раньше. Онъ порывался слагать стихи, но ничего не выходило.

Знаніе двухъ языковъ въ раннемъ возрастѣ не есть обладаніе двумя системами изображенія и сообщенія одного и того же круга мыслей, но раздвояетъ этотъ кругъ и напередъ затрудняетъ достиженіе цѣльности міросозерцанія, мѣшаетъ научной абстракціи.

Если языкъ школы отличенъ отъ языка семейства, то слѣдуетъ ожидать, что школа и домашняя жизнь не будутъ приведены въ гармоничныя отношенія, но будутъ сталкиваться и бороться другъ съ другомъ. Ребенокъ, говорящій: „du pain“ къ родителямъ и гувер-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 53.

²⁾ Тамъ-же, стр. 85.

нантѣ и (тайкомъ) „хлѣбца“ къ прислугѣ, имѣеть два различныя понятія о хлѣбѣ.

Когда два лица, говоряція на одномъ языкѣ, понимаютъ другъ друга, то содержаніе данного слова въ обоихъ различно, но представленіе настолько сходно, что можетъ безъ замѣтнаго вреда для изслѣдованія приниматься за тождественное. Мы можемъ сказать, что говорящіе на одномъ языкѣ при помощи данного слова разсматриваютъ различныя въ каждомъ изъ нихъ содержанія этого слова подъ однимъ угломъ, съ одной и той же точки. При переводѣ на другой языкъ процессъ усложняется, ибо здѣсь не только содержаніе, но и представленіе различны.

Если слово одного языка не покрываетъ слова другого, то тѣмъ менѣе могутъ покрывать другъ друга комбинаціи словъ, картины, чувства, возбуждаемая рѣчью; соль ихъ исчезаетъ при переводѣ; остроты непереводаемы. Даже мысль, оторванная отъ связи съ словеснымъ выраженіемъ, не покрываетъ мысли подлинника ¹⁾. И это понятно. Допустимъ на время возможность того, что переводимая мысль стоитъ передъ нами уже лишенная своей первоначальной словесной оболочки, но еще не одѣтая въ новую. Очевидно, въ такомъ состояніи эта мысль, какъ отвлеченіе отъ мысли подлинника, не можетъ быть равна этой послѣдней. Говоря, что изъ мысли подлинника мы беремъ существенное, мы разсуждаемъ подобно тому, какъ еслибы сказали, что въ орѣхѣ существенное не скорлупа, а зерно. Да, существенное (*geniessbar*) для насъ, но не для орѣха, который не могъ бы образоваться безъ скорлупы, какъ мысль подлинника не могла бы образоваться безъ своей словесной формы, составляющей часть содержанія. Мысль, переданная на другомъ языкѣ, сравнительно съ фиктивнымъ отвлеченнымъ ея состояніемъ, получаетъ новыя прибавки, несущественныя лишь съ точки зрѣнія первоначальной ея формы. Если при сравненіи фразы подлинника и перевода мы и затрудняемся нерѣдко сказать, насколько ассоціаціи, возбуждаемая тою и другою, различны, то это происходитъ отъ несовершенства доступныхъ намъ средствъ наблюденія.

Поэзія въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, указываетъ пути наукъ. Существуютъ анекдоты, изображающіе невозможность вы-

¹⁾ Мысль извѣстная, не требующая ссылокъ въ подтвержденіе. Ср. однако... Mommsen, Die Kunst des deutschen Uebersetzens aus neueren Spr. Leipz. 1858, стр. 9 и pass.

сказать на одномъ языкѣ то, что высказывается на другомъ. Между прочимъ, у Даля: заѣзжій грекъ сидѣлъ у моря, что-то напѣвалъ про себя, и потомъ слезно заплакалъ. Случившійся при этомъ русскій попросилъ перевести пѣсню. Грекъ перевелъ: „сидѣла птица, не знаю, какъ ее звать по-русски, сидѣла она на горѣ, долго сидѣла, махнула крыломъ, полетѣла далеко, далеко, черезъ лѣсъ, далеко полетѣла“... И все тутъ. По-русски не выходитъ ничего, а по-гречески очень жалко!

Въ дѣйствительности, всякій переводъ болѣе или менѣе похожъ на извѣстную шуточную великорусскую передѣлку малорусскаго „ой бувъ та нема... Эхъ былъ да нѣтути“. Даже легкое измѣненіе звука, повидимому, нисколько не касающееся содержанія слова, замѣтно измѣняетъ впечатлѣніе слова на слушателя. Вѣроятно, многіе испытали на себѣ непріятное впечатлѣніе фальши, неискренности, слушая пѣвца или актера, говорящаго въ угоду мѣстной публикѣ на непривычномъ для нихъ нарѣчій. Искусство переходить здѣсь въ лицемѣріе.

О невозможности для поэта говорить на чужомъ языкѣ Тургеневъ говорить слѣдующее: „Я никогда, ни одной строки въ жизни не напечаталъ не на русскомъ языкѣ; въ противномъ случаѣ я былъ бы не художникъ, а просто дрянъ. Какъ это возможно писать на чужомъ языкѣ, когда и на своемъ-то, на родномъ, едва можно сладить съ образами, мыслями“, и т. д. ¹⁾.

Трудность самаго соблюденія различій въ эффектахъ увеличивается, когда мы имѣемъ дѣло со словами одного происхожденія въ обоихъ языкахъ; сходное въ двухъ языкахъ одного происхожденія происходитъ не отъ того, что пути ихъ развитія дѣйствительно сходятся, а отъ того, что, расходясь отъ одной точки, они нѣкоторое время идутъ почти параллельно другъ подлѣ друга. Впрочемъ то, что переводъ съ одного языка на другой есть не передача той же мысли, а возбужденіе другой, отличной, примѣняется не только къ самостоятельнымъ языкамъ, но и къ нарѣчіямъ одного и того же языка, имѣющимъ чрезвычайно много общаго. „Я попросилъ разъ одного хохла,—говоритъ Пигасовъ въ „Рудинѣ“ Тургенева,—перевести слѣдующую, первую попавшуюся мнѣ фразу: грамматика есть искусство правильно читать и писать. Знаете, какъ онъ это перевелъ? „Храматыга е выкусство правылно чытаты ы пысаты“... Что же, это языкъ по вашему? самостоятельный языкъ?“ Именно

¹⁾ Первое собраніе писемъ, стр. 261.

то, что переводъ съ литературнаго языка на областное нарѣчіе и съ одного областного нарѣчія на другое весьма часто кажется пародією, именно это служить доказательствомъ, что, предупреждая рѣшеніе науки, вѣрное чутье понимаетъ самыя сходныя нарѣчія, какъ различные музыкальные инструменты, быть можетъ, иногда относящіеся другъ къ другу какъ церковный органъ къ балалайкѣ, но тѣмъ не менѣе не замѣнимые другъ другомъ. Для того, чтобы такъ было, нѣтъ никакой нужды лѣзть изъ кожи, чтобы сдѣлать фразу нарѣчія совершенно непохожею на фразу литературнаго языка, какъ это дѣлали у насъ нѣкоторые ревнители самостоятельности малорусскаго языка. Это значитъ возить дрова въ лѣсъ. Есть чувства и мысли, которыхъ не вызвать на обще-литературномъ языкѣ извѣстнаго народа никакому таланту, но которыя сравнительно легко вызываются на областномъ нарѣчіи. Есть писатели, которые сама посредственность, когда выбираютъ своимъ органомъ литературный языкъ, но которые на родномъ нарѣчіи глубоко художественны и правдивы. Ихъ творенія, какъ научные матеріалы, незамѣнимы никакими изданіями памятниковъ народной поэзіи, сборниковъ словъ и оборотовъ, обычаевъ, повѣрій и проч. Мы имѣемъ такихъ писателей, имѣютъ ихъ и нѣмцы и высоко цѣнятъ ихъ влияние на общенѣмецкій языкъ и литературу.

Такое мнѣніе о нарѣчіяхъ и поднарѣчіяхъ общераспространено и не нуждается въ подкрѣпленіи авторитетовъ. Впрочемъ такихъ подкрѣпленій можно найти довольно. Сравн., между прочимъ, мнѣніе Гримма, что еслибы нарѣчія чешское и польское исчезли въ общеславянскомъ языкѣ, какъ это представляютъ себѣ нѣкоторые возможнымъ и желательнымъ, то это было бы достойно сожалѣнія, ибо каждое изъ этихъ нарѣчій имѣетъ свои ничѣмъ незамѣнимыя преимущества ¹⁾. Здѣсь рѣчь только о формахъ въ родѣ двойственного числа, но съ большимъ основаніемъ можно бы это сказать, имѣя въ виду весь строй языка. „Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ,—говоритъ В. Гумбольдтъ,—можно распознать опредѣленную связь звуковъ языка съ его духомъ. Однако же, даже въ нарѣчіяхъ (того же языка) незначительныя измѣненія гласныхъ, мало-измѣняющія языкъ въ общемъ, по праву могутъ быть относимы къ состоянію духа народа (Gemüthbeschaffenheit), подобно тому, что замѣчаютъ уже греческіе грамматики о болѣе

¹⁾ Kleine Schriften, IV. стр. 105.

мужественномъ дорическомъ а сравнительно съ болѣе нѣжнымъ іонійскимъ ое" ¹⁾.

Возвращаясь къ вліянію иностранныхъ языковъ, мы видимъ, что еслибы знаніе ихъ и переводы съ нихъ были во всякомъ случаѣ нивелирующимъ средствомъ, то были бы невозможны ни переводчики, сильные въ своемъ языкѣ, ни переводы, образцовые по своеобразности и художественности языка. Между тѣмъ извѣстны переводы, между прочимъ, книгъ священнаго писанія, по упомянутымъ свойствамъ и по вліянію на самостоятельное развитіе литературы превосходящія многія оригинальныя произведенія. Даже въ школѣ переводы съ иностранныхъ языковъ на отечественный, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, оказываются могущественнымъ средствомъ укрѣпленія учащихся въ духѣ и преданіяхъ отечественнаго языка и возбужденія самостоятельнаго творчества на этомъ языкѣ. Упомянутыя условія состоятъ, съ одной стороны, въ томъ, чтобы ознакомленіе учащихся съ иностранными языками начиналось лишь тогда, когда они достаточно укрѣпились въ знаніи своего; съ другой стороны въ томъ, чтобы языкъ учениковъ былъ для учителя родной и чтобы учитель въ состояніи былъ требовать отъ переводовъ точности и согласія съ требованіями отечественнаго языка. Пристрастіе многихъ русскихъ изъ классовъ, покровительствуемыхъ фортуной, къ обученію дѣтей новымъ иностраннымъ языкамъ заслуживаетъ осужденія не само по себѣ, а по низменности своихъ мотивовъ. Такіе русскіе смотрятъ на знаніе иностранныхъ языковъ какъ на средство отличиться отъ чернаго люда и какъ на средство сношенія съ иностранцами. Въ послѣднемъ отношеніи они стараются не снискать уваженіе иностранцевъ, а лишь говорить какъ они. Въ языкѣ видятъ только звуки, а не мысль, а потому, ради чистоты выговора, начинаютъ обученіе иностранному языку чуть не съ пеленокъ и, какъ во времена „Недоросля“, поручаютъ дѣтей Вральманамъ. Такъ, изъ дѣтей съ порядочными способностями дѣлаются полудидоты, живые памятники безмыслія и душевнаго холопства родителей.

Что до замѣчательныхъ людей, въ родѣ Тютчева, съ дѣтства усвоившихъ себѣ иностранный языкъ вмѣстѣ съ богатымъ запасомъ содержанія и не потерявшихъ способности производить на отечественномъ языкѣ, то въ нихъ дѣятельность мысли на ино-

¹⁾ Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues, стр. 272, Ed. Pott.

странномъ языкѣ, безъ сомнѣнія, происходила въ ущербъ не только мысли на отечественномъ, но и общей продуктивности. Въ самомъ Тютчевѣ можно замѣтить узость сферы, обнимаемой его русскимъ языкомъ. Онъ сдѣлалъ бы больше, еслибы при томъ же талантѣ и такихъ же занятіяхъ владѣлъ лишь однимъ языкомъ и зналъ другіе лишь ученымъ образомъ настолько, насколько это нужно для возбужденія мысли, идущей по колеѣ родного языка.

Хотя двуязычность въ людяхъ высшаго круга—не рѣдкость въ русскомъ обществѣ XVIII и XIX вѣка, но, тѣмъ не менѣе, она составляетъ—не правило, а исключеніе... ¹⁾ При томъ же мы идемъ отъ этого состоянія, а не къ нему. Вліяніе двуязычности на болѣе обширные классы населенія, почти на цѣлыя, впрочемъ немногочисленные, народы, какъ чехи, я думаю, тоже неблагоприятно.

Можно принять за правило, по крайней мѣрѣ для новаго времени, что разцвѣту самостоятельнаго народнаго творчества въ наукѣ и поэзіи всегда предшествуютъ періоды подражательности, предполагающіе болѣе или менѣе теоретическое или практическое, болѣе или менѣе глубокое и распространенное знаніе иностранныхъ языковъ, что, соразмѣрно съ увеличеніемъ количества хорошихъ переводовъ, увеличиваетъ въ народѣ запасъ силъ, которыя рано или поздно найдутъ себѣ выходъ въ болѣе своеобразномъ творчествѣ. Собственно здѣсь о подражательности и самостоятельности судятъ такъ, какъ о необходимости и свободѣ воли. Гдѣ виденъ еще первый толчекъ, какъ въ первомъ отраженіи шара отъ бильярднаго борта, то называютъ подражательностью, необходимостью; гдѣ между возбужденіемъ и воздѣйствіемъ является промежуточная среда, маскирующая это возбужденіе, то называютъ самостоятельностью и свободой. Но подражательность есть тоже своеобразность, очевиднымъ доказательствомъ чего служить, между прочимъ, наша подражательная литература. Наоборотъ, въ ней болѣе самостоятельныхъ продуктовъ мысли; только научное наблюденіе открываетъ слѣды внѣшняго импульса.

Говоря объ отношеніяхъ равноправныхъ народовъ, можно думать, что ихъ своеобразность стиралась бы по мѣрѣ ихъ общенія съ другими, возростала тѣмъ въ большей прогрессіи, чѣмъ крѣпче ихъ внутренняя связь ²⁾. Но для увеличенія ихъ личности

¹⁾ Пропускъ въ рукописи.

²⁾ Такъ въ доставленномъ намъ текстѣ, вѣроятно, должно читать: „не стиралась, а возростала“...

достаточно даже того, чтобы их внутреннее и внешнее общение усиливалось в равной мѣрѣ. Между тѣмъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что среди большихъ народныхъ массъ Европы внутреннее общение народовъ увеличивается вѣ большей мѣрѣ, чѣмъ между-народное, разумѣется кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ правильное теченіе дѣлъ измѣняется силою оружія или политическаго шахрайства.

Дифференцированіе первоначально сходныхъ языковъ не значить, что въ народахъ уменьшается способность возбужденія со стороны другихъ языковъ; но оно, мнѣ кажется, значить, что какъ человѣку, такъ и народу съ каждымъ годомъ становится труднѣе выйти изъ колеи, прорываемой для него своимъ языкомъ, именно настолько, насколько углубляется эта колея. Съ этой точки зрѣнія кажется, что чѣмъ архаичнѣе языкъ народа, чѣмъ менѣе рѣзкіе перевороты въ немъ совершаются въ теченіе времени, отдѣляющаго его отъ начала, тѣмъ болѣе возможна для него денационализація.

Какой же смыслъ имѣетъ послѣ этого денационализація? Она состоитъ въ такомъ преобразованіи народной жизни, при которомъ традиція народа, заключенная главнымъ образомъ въ языкъ, прерывается или ослабляется до такой степени, что является лишь второстепеннымъ факторомъ преобразования. Случаи полнѣйшей денационализаціи могутъ быть наблюдаемы только въ жизни отдѣльных личностей, еще не говорящими перенесенныхъ въ среду другого народа. Въ такихъ случаяхъ жизнь предковъ такой личности вносится въ ея собственное развитіе лишь въ видѣ фیزیологическихъ слѣдовъ и задатковъ душевной жизни. Въ примѣненіи къ цѣлымъ народностямъ, необходимо состоящимъ изъ лицъ разныхъ возрастовъ, такіе случаи и невозможны. Здѣсь денационализація предполагаетъ непременно лишь ослабленіе традиціи между взрослымъ и подростающимъ поколѣніемъ, т.е. частное изъятіе этого послѣдняго изъ вліяній семейства. Допустимъ самыя благопріятныя условія денационализаціи, именно, что подавляемый народъ не лишается имущества и не обращается въ рабство въ его грубой формѣ, и что подростающему его поколѣнію, въ замѣнъ семейства, дается лучший изъ воспитательныхъ суррогатовъ семейства, — школа. Но школа эта, по предположенію, не пользуется языкомъ учениковъ, какъ готовымъ образовательнымъ средствомъ, но, обучая ихъ новому языку, тратитъ время на то, чтобы приготовить изъ сознанія учениковъ родъ палимиссестовъ. Очевидно, что воспитанники такой

школы, при равенствѣ прочихъ условій, будутъ во всѣхъ отноше-
 ніяхъ ниже тѣхъ, которымъ при поступленіи въ нее нужно было
 не забывать, а лишь учиться, прилагая школьныя крохи къ огром-
 ному запасу до-школьных запасовъ мысли. Подобные результаты
 мы получимъ, если вмѣсто школы поставимъ другія образователь-
 ныя средства, обнимаемыя понятіями жизни въ обществѣ. Такимъ
 образомъ, для денаціонализируемаго народа естественнымъ теченіемъ
 дѣлъ создаются неблагопріятныя условія существованія, вытекающія
 изъ умственной подчиненности, которая будетъ тѣмъ значительнѣе,
 чѣмъ менѣе подавляемый народъ приготовленъ къ усвоенію языка
 подавляющаго. При подобной ломкѣ неизбѣжно на мѣстѣ вытѣс-
 няемыхъ формъ сознанія воцаряется мерзость запустѣнія, и зани-
 маетъ это мѣсто до тѣхъ поръ, пока вытѣсняющій языкъ не ста-
 нетъ своимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не приноровится къ новому наро-
 ду. Люди, по правилу, добровольно не отказываются отъ своего
 языка, между прочимъ въ силу безсознательнаго страха передъ
 опустошеніемъ сознанія. Ибо, пока мы не научены чему-либо
 лучшему, мы держимся мнѣнія Гумбольдта, что „никакой на-
 родъ не могъ бы оживить и оплодотворить чужого языка своимъ
 духомъ, безъ того, чтобы не преобразовать этого языка въ дру-
 гой“ ¹⁾. Другими словами: народность, поглощаемая другою, вно-
 ситъ въ эту послѣднюю начала распадѣнія, которыя, конечно, про-
 изведутъ замѣтные результаты тѣмъ скорѣе, чѣмъ многочисленнѣе
 и нравственно сильнѣе и своеобразнѣе поглощаемая народность, и
 наоборотъ.

Крайне наивно думать, что хорошій переводчикъ имѣетъ спо-
 собность высказывать изъ своей народной шкуры и входить въ
 инородную мысль, что будто бы то самое, что дѣлаетъ нѣмцевъ
 „лучшими въ мірѣ“ переводчиками, облегчаетъ имъ перемѣну на-
 родности и производить то, что, напр., такъ много нѣмецкихъ фа-
 милій между славянами ²⁾. Нѣтъ спору, въ нѣмецкой литера-
 турѣ множество превосходныхъ переводовъ, со множества язы-
 ковъ земного шара. Германія—страна филологіи, родина сравни-
 тельнаго языковѣдѣнія. Но все это главнымъ образомъ зависитъ отъ
 степени образованности, отъ количества запроса на ученыхъ и ко-
 личество сихъ послѣднихъ, употребляющихъ разумный трудъ на
 изученіе иностранныхъ языковъ и литературъ, и лишь въ меньшей
 степени отъ общихъ свойствъ ихъ народности и языка. Здѣсь на-

¹⁾ Ueber die Verschiedenheit, стр. 203.

²⁾ Rüdiger, Ueber Nationalität, Z. für Völkersp. III, 1865, стр. 118.

добно различать теоретическое и практическое знаніе языка, т.-е. легкость думать и говорить на немъ. Въ послѣднемъ отношеніи нѣмцы ниже славянъ, и если вообще можно гордиться чѣмъ-либо, то скорѣе можно на этомъ основаніи гордиться большею замкнутостью и устойчивостью своей народности. Еслибы близость и географическое сосѣдство языковъ были главными факторами, дающими ихъ теоретическое знаніе, то такое знаніе литовскаго языка было бы достояніемъ русскихъ и поляковъ, и мы учились бы этому языку у нихъ, а не у Шлейхера. Между тѣмъ извѣстно, что, не говоря уже о звукахъ, многія категоріи славянскихъ языковъ на практикѣ представляютъ для взрослого нѣмца, образованнаго и простолюдина, затрудненія, неодолимые въ цѣлые десятки лѣтъ. Изъ этого мы можемъ заключить о ихъ способности владѣть языками, менѣе родными съ нѣмецкимъ.

Относительно этого вопроса я не знаю точныхъ наблюденій, но мнѣ кажется, что врядъ ли между нѣмецкими простолюдинами найдется столько практически владѣющихъ какими-либо иностранными языками, какъ между русскими, находящимися въ сношеніяхъ съ инородцами, напр. на Кавказѣ, въ Сибири. Хотя я и не думаю, чтобы взрослый русскій могъ вполне усвоить какой-либо иностранный языкъ, даже въ звуковомъ отношеніи (хотя гамма звуковъ, которою владѣтъ русскій,—въ особенности бывалый и знающій польскій языкъ, и, наоборотъ, полякъ, знающій по-русски, что нерѣдко,—гораздо обширнѣе той, какою владѣтъ нѣмецъ), но это не мое лишь личное мнѣніе, что онъ скорѣе выучится по-нѣмецки и по-французски, чѣмъ нѣмецъ и французъ по-русски. Трудно выдумать что-либо болѣе поверхностное, чѣмъ мнѣніе, что нѣмецъ по складу своей народности космополитъ, что французъ, напр., только французъ, и одинъ нѣмецъ—человѣкъ. Жалобы германофиловъ на то, что нѣмцы-переселенцы, гдѣ они не изолированы, какъ въ Россіи, теряютъ свою народность, предполагаютъ странное и неосуществимое желаніе, чтобы вліяніе отдаленнаго, покинутаго отечества на второе и третье поколѣніе нѣмецкихъ переселенцевъ было сильнѣе вліянія окружающей ихъ среды.

Само собою разумѣется, что если нельзя признать непременно денационализирующимъ того изученія иностранныхъ языковъ и того литературнаго (вліянія), которые мы можемъ наблюдать въ наше время, то то же можно сказать о подобныхъ явленіяхъ древняго времени. До-историческіе слѣды, оставленные взаимнымъ вліяніемъ народовъ, имѣютъ если не исключительно, то преимущественно лекси-

ческий характер; но именно лексическая сторона языка наиболее способна без перерождения выдерживать напоръ внѣшнихъ вліяній. Говоря à priori, всякое иностранное слово на новой почвѣ должно переродиться; но безчисленны примѣры того, что такое перерождение и въ звукахъ и въ значеніи столь очевидно, что не требуетъ доказательствъ. Можно думать, что особенность и своеобразность народовъ существуетъ не наперекоръ ихъ взаимному вліянію, а такъ, что возбужденіе со стороны, меньшее того, какое получается изнутри, является однимъ изъ главныхъ условий благоприятствующихъ развитію народа, подобно тому, какъ, по мысли В. Гумбольта, вліяніе личности говорящаго на другую состоитъ не въ вытѣсненіи этой послѣдней, а въ возбужденіи ея къ новой плодотворной дѣятельности ¹⁾. Взаимное возбужденіе народовъ предполагаетъ не ассимиляцію, а лишь взаимное приспособленіе, которое можно сравнить съ тѣмъ, какое возникаетъ между цвѣтами, питающимися насѣкомыхъ, и насѣкомыми, содѣйствующими оплодотворенію цвѣтовъ... ²⁾

Примѣняя это къ Россіи, я думаю, что, à priori, вліяніе финскихъ и другихъ племенъ, не вымершихъ, а поглощенныхъ русскими, на образованіе русской народности не подлежитъ сомнѣнію; но указанія на частные случаи этого вліянія, кромѣ нѣкоторыхъ лексическихъ заимствованій, большею частью ложны. Такъ мнѣніе, что великорусскія племена со стороны языка своимъ существованіемъ обязаны вліянію финновъ, остается ложнымъ, такъ какъ при нынѣшнихъ средствахъ языкознанія въ грамматическомъ строѣ великорусскихъ нарѣчій не можетъ быть открыто никакихъ слѣдовъ постороннихъ вліяній.

Возвращаясь къ денационализациі и разрыву съ преданіемъ, слѣдуетъ прибавить, что съ точки зрѣнія языка подъ этимъ понятіемъ слѣдуетъ разумѣть вовсе не то, что разумѣютъ подъ нимъ поборники идеи народности, когда, напр., жалуются на расколъ между высшими и низшими слоями русскаго народа, между до-Петровской и послѣ-Петровской Русью. Народная традиція или развитіе народной жизни безъ выхода изъ колеи имѣетъ много общаго съ традиціей извѣстной религіи или научнаго направленія. То, что съ одной точки кажется измѣною извѣстнымъ началамъ, съ другой—представляется лишь ихъ развитіемъ, ибо развитіе здѣсь

¹⁾ Ueber die Verschied., стр. 213.

²⁾ Въ рукописи пропускъ.

есть лишь другая сторона предъидущаго момента. Человѣкъ, воспитанный въ догматахъ извѣстной религіи и потомъ дошедшій до ихъ отрицанія, по своему нравственному облику принадлежитъ къ ней настолько же, насколько послушный сынъ этой религіи. Западнѣйшій протестантизмъ принадлежитъ къ школѣ католицизма, русскіе диссиденты—къ школѣ православія. Мысль эту, которая у насъ давно высказана, если не ошибаюсь, кѣмъ-то изъ славянофиловъ, теперь я нахожу у Штейнталя. Католикъ, протестантъ и еврей, сходящіеся въ религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ, даютъ этимъ воззрѣніямъ каждый свою историческую подкладку ¹⁾. То же въ области науки. Послѣдователи Гримма и Боппа камень за камнемъ разрушаютъ сложенное ими зданіе, но въ то же время они продолжаютъ ихъ дѣло такъ, что Гриммъ и Боппъ при новыхъ условіяхъ не могли бы поступить иначе. Подобно этому, напр., въ русскомъ народѣ отчужденіе отъ народности мы можемъ наблюдать только въ отдѣльных лицахъ, въ силу сословныхъ предразсудковъ съ дѣтства дрессируемыхъ для этого. Но образованный человѣкъ, участвующій въ созданіи литературы и науки на русскомъ языкѣ, или добровольно и сознательно отдающійся ихъ теченію, какой бы анаемъ ни предавали его изувѣры за отличіе его взглядовъ и вѣрованій отъ взглядовъ и вѣрованій простолюдина, не только не отдѣленъ отъ него какою-то пропастью, но, напротивъ, имѣетъ право считать себя болѣе русскимъ, чѣмъ простолюдинъ. Ихъ связываетъ единство элементарныхъ приемовъ мысли, важность которыхъ не ослабляется отъ сложности работъ, на которыя они употреблены. Но литературно-образованный человѣкъ своего народа имѣетъ передъ простолюдиномъ то преимущество, что на послѣдняго вліяетъ лишь незначительная часть народной традиціи, именно, почти исключительно устное преданіе одной мѣстности, между тѣмъ какъ первый, въ разной мѣрѣ, приходитъ въ соприкосновеніе съ многовѣковымъ теченіемъ народной жизни, взятымъ какъ въ его составныхъ частяхъ, такъ и въ конечныхъ результатахъ, состоящихъ въ письменности его времени.

Согласно съ этимъ, образованный человѣкъ несравненно устойчивѣе въ своей народности, чѣмъ простолюдинъ. Послѣдній на чужбинѣ почти совершенно разрываетъ связи съ родиной, и хотя съ трудомъ и плохо выучивается чужому языку, но съ необычно-

¹⁾ Zeitschr. für Völkerpsychologie VIII. 1875, 266—7. (Zur Religionsphilosophie).

венной быстротой забываетъ свой, какъ, напр., поляки солдаты въ русскомъ войскѣ. Для перваго и на чужой сторонѣ лучшая часть вліяній своей народности можетъ сохраниться. Замѣчу между прочимъ, что не-русскіе элементы языка одного изъ блистательнѣйшихъ русскихъ писателей, долго жившаго и умершаго за границей, происходятъ въ гораздо меньшей мѣрѣ отъ этого обстоятельства, чѣмъ отъ воспитанія.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что если цивилизація состоитъ, между прочимъ, въ созданіи и развитіи литературъ, и если литературное образованіе, скажемъ больше, если та доля грамотности, которая нужна для пользованія молитвенникомъ, бібліею, календаремъ на родномъ языкѣ, есть могущественнѣйшее средство предохраненія личности отъ денационализаціи, то цивилизація не только сама по себѣ не сглаживаетъ народностей, но содѣйствуетъ ихъ укрѣпленію. Предполагая, что въ будущемъ смѣшеніе племенъ на той же территоріи увеличится, слѣдуетъ принимать въ расчетъ, что къ тому времени увеличится и препятствіе къ образованію смѣшанныхъ языковъ, состоящее, кромѣ упомянутаго увеличенія въ каждомъ народѣ привычки къ своему языку, и въ облегченіи средствъ поддерживать связь между отдаленными концами одной и той же народности. Мы видимъ и теперь, напр., какъ группируются нѣмцы у насъ и въ Сѣверной Америкѣ.

Но, говорятъ намъ, неужели мы не видимъ, что образованіе національныхъ литературъ предполагаетъ сліяніе племенъ въ націи, объединяемой литературнымъ языкомъ? И развѣ не говорятъ намъ замѣчательные филологи, что подъ вліяніемъ общенія мысли языки становятся все болѣе и болѣе сходными въ важнѣйшихъ сторонахъ своего строенія? Не въ правѣ ли мы продолжить это стремленіе до полного сліянія по крайней мѣрѣ европейскихъ языковъ арійскаго племени? Конечно, мы въ правѣ были бы это сдѣлать, если бы послышки были вѣрны.

Между тѣмъ общія очертанія исторіи арійскихъ языковъ, по которой мы можемъ судить объ остальныхъ, представляются намъ въ видѣ ихъ дифференцированія не только въ звукахъ, но и въ формахъ, взятыхъ въ ихъ употребленіи. Отъ одного общаго славянскаго языка пошло десять, одиннадцать или двѣнадцать, смотря по тому, какъ считать, славянскихъ нарѣчій. Отдѣльные народы денационализированы и нарѣчія вымерли, но въ общемъ это не составляетъ большого разсчета, и врядъ ли кто-либо въ состояніи доказать, что когда-либо славянскихъ нарѣчій было больше, чѣмъ те-

перъ. Между тѣмъ доказательства противнаго весьма сильны. Если бы кто вздумалъ понимать объединеніе племенъ въ народъ, напр. русскій, какъ дѣйствительное сляніе нѣсколькихъ нарѣчій и поднарѣчій въ одно, какъ говорятъ, органическое цѣлое, тотъ создалъ бы себѣ мифъ. Конечно, отдѣльные русскіе говоры вѣроятно возникли вслѣдствіе смѣшенія и взаимнаго проникновенія элементовъ двухъ или нѣсколькихъ сосѣднихъ говоровъ. Но не таково возникновеніе того, что мы называемъ русскимъ языкомъ. Этотъ языкъ есть совокупность русскихъ нарѣчій. Народность съ точки зрѣнія языка есть понятіе отличное отъ такъ называемой „идеи національности“. Тѣмъ не менѣе эти понятія настолько связаны другъ съ другомъ, что требуютъ тщательнаго разграниченія.

Кажется очевиднымъ, что не только чутье, но и сознаніе народнаго единства, въ смыслѣ общенія мысли, устанавливаемого единствомъ языка, есть явленіе глубоко древнее, при томъ такое, время происхожденія коего не можетъ быть опредѣляемо съ точностью. Въ отличіе отъ этого мы слышимъ, что идея національности родилась впервые въ началѣ нашего вѣка, что она дала толчекъ „постепенному выдѣленію личностей народовъ цивилизованныхъ“ „изъ первоначальнаго безразличія дикихъ народовъ“, что „великая заслуга сообщенія этого толчка“ можетъ быть приписана опредѣленнымъ личностямъ, въ Германіи—между прочимъ Фихте старшему, у насъ—славянофиламъ“ (Градовскій, 246). Подобныя мнѣнія высказываются и другими, но лишь отчасти справедливо. Конечно, въ отличіе отъ Экклезіаста, мы думаемъ, что подъ солнцемъ все ново и не бываетъ повторенія событій. Идея національности нашего времени запечатлѣна своеобразностью, но подобныя появлялись и раньше. Родовое ихъ сходство состоитъ, мнѣ кажется, въ слѣдующемъ. Такая идея есть не непремѣнный признакъ народа, а возникающій отъ времени до времени умыселъ отдѣльныхъ лицъ и кружковъ сдѣлать извѣстныя черты, приписываемыя народу, руководящимъ началомъ намѣренной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, обществъ, правительствъ этого народа,—сообщить большую энергію дѣятельности, возвеличивъ ея начала. Такимъ образомъ эта идея есть частью извѣстное содержаніе мысли, частью общее душевное настроеніе личности, кружка, общества, иногда, въ рѣдкія критическія минуты народной жизни—значительной части народа. Въ этомъ смыслѣ эту идею мы видимъ вездѣ, гдѣ въ народѣ, подъ вліяніемъ враждебнаго столкновенія съ другими народами, возникаетъ апотеоза извѣстныхъ народныхъ признаковъ и гдѣ на знамени пишется нѣчто въ родѣ: „съ

нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь“; или: „съ нами цивилизація“ и потому опять-таки „покоряйтесь“.

Идея національности есть всегда родъ мессіанизма. Усматривая всеобщность этихъ чертъ, въ различныхъ, иногда противоположныхъ взглядахъ, окрашенныхъ „идеєю національности“, мы приходимъ къ мысли, что они суть неизбежное слѣдствіе извѣстныхъ условий народной жизни, и лишаемся и права, и охоты относиться съ насмѣшкою къ явленіямъ какъ наше славянофильство. Извѣстное стихотвореніе Хомякова выражаетъ весьма вѣрно настроеніе славянофиловъ и намекаетъ на необходимость возникновенія ихъ ученія, какъ противодѣйствія подобному и столь же одностороннему ученію культуртрегеровъ:

„Не съ тѣми Онъ, кто говорить:

Мы соль земли...

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой

Въ слова смиренія не ридиль...

Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы

Въ духовный міръ, въ Господень храмъ“,—

(Гр., 220, 233), т.-е. онъ со славянофилами, несмотря на то, что со стороны въ ихъ смиреніи была замѣтна гордость. Безъ этой гордости, будетъ ли ея мотивомъ извѣстная утрировка положительныхъ преимуществъ народа, измѣримыхъ „общимъ аршиномъ“, или *вътра* въ грядущее ¹⁾, въ высокое назначеніе своего народа, пока усматриваемое только пророческимъ взоромъ, нельзя обойтись, какъ скоро обстоятельства,—такія ли, какъ наши, или такія, какъ въ Германіи начала нынѣшняго вѣка,—требуютъ удаленія „духа унынія“. Передъ судомъ потомства нѣтъ правыхъ, но въ свое время, а отчасти и въ наше, славянофилы имѣли право сказать своимъ противникамъ, искавшимъ истины лишь внѣ себя:

„Цивилизація для нихъ фетишъ...

Какъ передъ ней ни гнитесь, господа,

Вамъ не снискать признанья отъ Европы:

Въ ея глазахъ вы будете всегда

Не слуги просвѣщенія, а холопы. (Тютчевъ).

Эти противники не видѣли того, что нѣмецкое культуртрегерство по меньшей мѣрѣ столь же односторонне. Упрекая славянофи-

1) „Умомъ Россію не понять,

Аршиномъ общимъ не измѣрить;

У ней особенная статья —

Въ Россію можно только *въгнать*“—Тютчевъ.

ловъ въ томъ, что они, будучи небольшимъ кружкомъ, всегда имѣли слабость говорить отъ лица всей Россіи, они не видѣли того, или мирились съ тѣмъ, что культуртрегеры берутся рѣшать за все человѣчество. Въ статьѣ Рюдигера, обратившей на себя ихъ вниманіе и переведенной на русскій языкъ, мы находимъ слѣдующее. Идея національности, или просто національность, возникла лишь въ наше время наперекоръ успѣхамъ цивилизаціи, единственно лишь потому, что та же цивилизація устранила нѣкоторыя вліянія, враждебныя національности, что она ослабила аскетизмъ христіанства, измѣнила взглядъ на династическія права, разрѣшила муниципальную и сословную замкнутость, дала побѣду демократіи. Такимъ образомъ, сама цивилизація вызвала силу, враждебную высшимъ интересамъ человѣчества, ибо *національное стремленіе удерживать народныя различія*, вопреки нивелирующей цивилизаціи неизбежно переходитъ въ несправедливое пристрастіе къ своему, въ незнаніе чужого, въ пренебреженіе и вражду къ нему (98). Образование, неразлучное со стремленіемъ за предѣлы одного народнаго, старается пренебрегать несущественными различіями. Образованный умъ отъ всякаго мнѣнія требуетъ истины, отъ художественнаго произведенія—красоты, отъ учрежденія—цѣлесообразности. Но во всякомъ народѣ многое не выдерживаетъ такой повѣрки и нужна особенная любовь къ своему, чтобы считать сказку о древнихъ вѣкахъ народной исторіи за истину, грубую образину грубыхъ вѣковъ за мастерское произведеніе искусства, нелѣпый законъ за произведеніе глубочайшей государственной мудрости. Во многихъ народахъ толпа вѣрить подобнымъ вещамъ, а знающіе больше не смѣютъ ей противорѣчить (119). Національность можетъ служить и прогрессу, и реакціи, смотря по тому, что именно до сихъ поръ препятствовало національному развитію. Такъ, напр., національныя стремленія либеральны въ Германіи, гдѣ свободѣ и единству противодѣйствуютъ государи; но онѣ враждебны прогрессу тамъ, гдѣ онѣ враждебны національности. „Такъ въ славянскихъ земляхъ наивидятъ нѣмецкую образованность, т.-е. почти всю образованность, какая тамъ есть, и явно стремятся къ варварству прежнихъ вѣковъ“ (103).

Здѣсь подъ національностью мы должны разумѣть „идею національности“, а не народность въ обширномъ смыслѣ, ибо если подъ этою послѣднею будемъ понимать не болѣе какъ *сосудъ цивилизацій*, то и въ такомъ случаѣ мы не въ состояніи будемъ понять, какъ развитіе содержимаго могло не разрушить сосудъ, какъ птица, выклеываясь изъ яйца, разрушаетъ скорлупу, а напротивъ укрѣ-

пить этотъ сосудъ. При этомъ, повидимому, идеѣ національности, какъ силѣ, враждебной цивилизаціи, приписывается какъ постоянный признакъ—ложь. Но, исключивъ недобросовѣстныхъ людей, которые есть во всякомъ обществѣ, образованномъ или нѣтъ, развѣ можно сказать, что необразованный умъ принимаетъ то, что про себя считаетъ ложью, безобразіемъ, нецѣлесообразностью, за нѣчто противоположное, только потому, что такъ думаютъ его соотечественники? И носители національной идеи, какъ поклонники единой вселенской цивилизаціи, считаютъ мысль истинною только до тѣхъ поръ, пока не убѣдились въ ея ложности. Приписывать имъ требованіе, что личное мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ большинства, должно быть подавляемо—крайне несправедливо. Даже тогда, когда ихъ идеалы позади, эти носители являются всегда представителями начала движенія, а не застоя.

Именно поэтому съ гораздо большимъ основаніемъ ихъ можно упрекнуть въ телеологической точкѣ зрѣнія на исторію, какъ на исполненіе призванія, развитіе предначертанныхъ началъ, воплощеніе заранѣе готовой идеи. Это замѣтно, между прочимъ, у А. Градовскаго, не смотря на то, что онъ старается возвыситься надъ точкою зрѣнія славянофиловъ. Онъ говоритъ: „народное творчество—вотъ послѣдняя *цѣль, указываемая наукой* каждому племени, *цѣль*, безъ которой не можетъ быть достигнуто совершенство рода человеческого“ (Град., 146). Особенность Градовскаго состоитъ въ томъ, что у него „послѣдняя *цѣль*“ указывается не провидѣніемъ, а наукою, отъ чего дѣло теряетъ большую часть своей ясности. Что можетъ значить „указаніе *цѣли*“ Сущему наукой, т.-е. въ концѣ концовъ вами лично, ибо наука, какъ извѣстно, говорить только устами отдѣльныхъ своихъ представителей? Не можетъ быть, чтобы русскій народъ до сочиненія такого то профессора не имѣлъ *цѣли*. Вѣроятно, слѣдуетъ понимать по прежнему, что эта *цѣль* была предначертана, и только открыта, говоря возвышеннымъ слогомъ, наукою, а по просту—такимъ-то ¹⁾. Но если наука не въ состояніи вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ это и есть въ дѣйствительности) открыть, гдѣ кончается подражаніе и начинается творчество, то открытіе это пустое. И если когда-либо будетъ достигнуто совершенство рода че-

¹⁾ И кромѣ Градовскаго у многихъ ученыхъ есть эта замашка говорить отъ имени науки, какъ будто они, или нѣкто подразумѣваемый, у нея по особымъ порученіямъ, иногда вступаться за ея честь, какъ будто она имъ тетка или сестра, или другая близкая особа слабаго пола.

ловѣческаго, такъ что дальше некуда будетъ идти, то наука не въ состояніи будетъ этого замѣтить. Въ отличіе отъ національной идеи понятіе народности, опредѣляемое языкомъ, кажется несомнѣтельнымъ съ орудованіемъ идеями, какъ конечная цѣль и достиженіе совершенства. Народъ, какъ и языкъ, имѣетъ безчисленное множество цѣлей, достигаетъ ихъ именно тѣмъ самымъ, что живетъ, но для земного наблюдателя не имѣетъ ни одной конечной. Странность взглядовъ Рюдигера объясняется тѣмъ, что его „цивилизациа“, какъ общечеловѣческое начало, есть въ дѣйствительности цивилизациа съ точки зрѣнія нѣмецкой національной идеи, столь же узкой, какъ и славянская. Онъ на себѣ доказываетъ свои слова, что „національные взгляды необходимо односторонни и національное чувство немислимо безъ несправедливости къ чужимъ“ (118). Въ сущности Рюдигеръ говоритъ: благо, если „свое“ хорошо, какъ у нѣмцевъ; тогда его охраненіе и развитіе законно. Но у славянъ „свое“ дурно, и потому любовь къ нему и ея послѣдствія суть преступленія противъ человѣчества. Но кто сказалъ, что „свое“ у нѣмцевъ хорошо и что оно должно стать общечеловѣческимъ? Кто опредѣлилъ содержаніе этого прогрессивнаго „своего“ и рѣшилъ его несомнѣтельность съ инонародною формою? Сами же носители нѣмецкой національной идеи, которые хотятъ быть судьями въ своемъ дѣлѣ и выдаютъ личную мѣрку за абсолютную. Ихъ идеаль въ концѣ концовъ сходенъ съ идеаломъ славянофиловъ. Какъ эти мечтали о денационализациі славянскихъ племенъ русскими, такъ тѣ видятъ всемірное назначеніе нѣмцевъ въ денационализациі сосѣднихъ народовъ. Взявши денационализацию въ самомъ мягкомъ ея видѣ, мы получимъ, что развитіе цивилизациі съ точки зрѣнія культуртрегеровъ должно совершиться на чужой счетъ; за обученіе враговъ цивилизациі добру, истинѣ и красотѣ, и учителямъ должно перепадать кое-что въ видѣ матеріальнаго богатства или менѣе вещественныхъ удовольствованій, сопряженныхъ съ властью. Такимъ образомъ и здѣсь мы можемъ перифразировать слова Мефистофеля: „Was man den Geist der Zeiten heisst, das ist im Grund der Herren eigener Geist“—то, что вы называете общечеловѣческимъ, есть только ваше; оно еще необязательно для всѣхъ, но вы хотите его сдѣлать такимъ, получить за это плату и сверхъ того сохранить при этомъ убѣжденіе, что даромъ потрудились на благо человѣчеству. Вы говорите: „съ нами Богъ“, но этого Бога создали вы сами, хотя и не безъ достаточнаго основанія, не безъ нужды для вашей собственной жизни, но безъ вниманія къ тому, годится ли этотъ Богъ для другихъ и захотятъ ли, и могутъ

ли другіе увѣровать въ него добровольно, или же вѣра въ него должна быть вкочлена. Если это послѣднее справедливо, то допустивши даже, что извѣстной народности предстоить всемірное значеніе, мы должны будемъ признать, что развитіе цивилизаціи совершается въ видахъ всего человѣчества, ибо все человѣчество заключается въ себѣ и подавляемые народы, т.-е. частью обращаемые въ прахъ и пепель, частью денационализуемые, которымъ при этомъ не можетъ быть по себѣ.

Какъ попытка устранить односторонность идеи національности и ограничить позывы къ обнѣмечиванію, обрушенію и т. д., выставляется право національныхъ культуръ, т.-е. право народовъ на самостоятельное существованіе и развитіе. Измѣненіе взглядовъ на отношеніе между общечеловѣческимъ и народнымъ, между общенароднымъ и свойственнымъ части народа, между этимъ послѣднимъ и личнымъ, объясняется до нѣкоторой степени, если будетъ поставлено въ рядъ движенія человѣческой мысли, состоящаго въ переходѣ отъ признанія объективной связи между изображеніемъ и изображаемымъ къ ограниченію и отрицанію этой связи. Типомъ этого движенія можетъ служить любой изъ случаевъ, въ огромномъ количествѣ собранныхъ изслѣдователями первобытной исторіи мысли. Напримѣръ, сначала человѣкъ, думая и говоря о враждебномъ существѣ, какъ волкъ, приписываетъ своей мысли не ту лишь долю бытія, какую она имѣетъ какъ проявленіе его личной мысли, а гораздо большую, состоящую въ непосредственной силѣ приблизить, удалить, прогнѣвать или умиловить это существо. Мысль лица представляется здѣсь сначала непосредственнымъ рычагомъ внѣшняго объективнаго бытія. Затѣмъ ея могущество приводится лицомъ въ тѣ границы, которыя намъ кажутся естественными: ей приписывается непосредственное влияніе только на само дѣйствующее лицо. Изъ примѣра видно, что подъ изображеніемъ разумѣется здѣсь не только выраженіе мысли въ рисунокѣ, словѣ, обрядѣ, но и сама эта мысль, по отношенію къ своему объекту.

Убѣжденіе въ тождествѣ или объективной связи изображенія въ этомъ обширномъ смыслѣ слова и изображаемаго свойственно не одному лишь дѣтству человѣческой мысли, какъ думаютъ многіе. Это убѣжденіе лишь мѣняетъ свое содержаніе съ успѣхомъ знаній. Усилія мысли снимаютъ съ истины одинъ покровъ за другимъ; но то, что въ первыя минуты открытія казалось голою истиною, вслѣдъ затѣмъ непремѣнно оказывается лишь новою ея оболочкой. Борьба съ предрасудками есть безконечная работа. У насъ нѣтъ мѣрки,

которая давала бы право сказать, что въ наше время предразсудковъ убавилось. До сихъ поръ оскорбленіе словомъ, какъ унижительное для оскорбленнаго, считается за оскорбленіе дѣломъ и нерѣдко влечетъ за собою весьма реальную месть, несравненно большую, чѣмъ та, какой можно бы ожидать, еслибы при этомъ принималось во вниманіе не предразсудочное отождествленіе слова и вещи, а лишь вліяніе слова на мнѣніе другихъ лицъ и на проистекающія отсюда дѣйствія. Науку напрасно стараются нѣкоторые отгородить рѣзкими и неподвижными границами отъ миѣической мысли, ибо разница здѣсь лишь въ степени.

Въ противоположность тѣмъ, которые видятъ начало критической мысли въ такой-то опредѣленной точкѣ исторіи, можно думать, напр., не только то, что каннибализмъ имѣлъ раціональныя основанія, но и то, что основанія ему положены именно критической мыслью, совершенно аналогичной съ тою, которая нынѣ стремится измѣнить и улучшить строй общества.

И въ наукѣ донинѣ продолжается отождествленіе изображенія и изображаемаго въ видѣ субстанціи понятій. Давно ли душевныя способности принимались за нѣчто реальное и самая душа считалась за нѣчто реальное, а не за мысленное объединеніе извѣстнаго рода признаковъ. Развѣ не думаютъ многіе, что матерія есть вещь, а прочее все гиль?

Давно ли считалось общепризнаннымъ, что общечеловѣческая мысль воплощается въ языкѣ, такъ что, если мы, поставивъ передъ собою эту мысль, откроемъ извѣстныя ея свойства, то можемъ быть увѣрены, что изслѣдованіе языка обнаружить намъ тѣ же свойства —пріемъ несомнѣнно ученый, но представляющій аналогію съ тѣмъ, когда, напр., по сновидѣнію, по чертамъ на бараньей лопаткѣ и пр. гадаютъ о внѣшнихъ для этихъ предметовъ и явленій событіяхъ.

Само столь обычное и необходимое для насъ противоположеніе мысли и объекта есть тоже субстанція мысли, ибо „безусловно объективное“, то, чѣмъ въ концѣ концовъ условлена наша мысль, намъ совершенно недоступно, а то, что мы называемъ объектомъ, при самомъ правильномъ пониманіи оказывается тоже мыслью, но еще не отдѣлившейся отъ чувственныхъ воспріятій, еще регулируемою ими. То, что называется ходомъ объективированія мысли, есть терминъ неточный и состоитъ въ равной мѣрѣ въ признаніи элементовъ объекта субъективными.

Переходя къ *общечеловѣческому* и *народному*, посмотримъ, какъ судить о нихъ А. Градовскій, авторъ сочиненія, вообще весьма хорошаго, несмотря на то, что въ „Отечественныхъ Запискахъ“ оно было представлено чуть-ли не преступленіемъ противъ общества.

До сихъ поръ мысль, что „идея челоѣчества воплощается въ исторіи отдѣльныхъ народовъ“, иными считается за глубокую философскую истину и понимается такъ, что идея, какъ воплощающаяся въ чемъ-то независимомъ отъ меня, говорящаго это, и сама независима отъ меня и существуетъ сама по себѣ. „Но,—говоритъ Градовскій,—отношеніе между общечеловѣческимъ и народнымъ таково, какъ между логическимъ понятіемъ и реальнымъ явленіемъ“. „Наше представленіе объ общечеловѣческомъ есть продуктъ... обобщенія частныхъ явленій“. „Оно не имѣетъ реального бытія и существуетъ только въ мыслящемъ лицѣ и черезъ него“ (239). Кажется, это довольно ясно. Отсюда правоученіе, что не слѣдуетъ и невозможно жертвовать народнымъ, какъ живымъ и реальнымъ общечеловѣческому, какъ призрачному и отвлеченному.

Между тѣмъ рѣшимость автора оказывается шаткою. „Неужели, —говоритъ онъ,—по нашему мнѣнію, общечеловѣческое есть только логическая фикція, плодъ абстракціи, не имѣющій никакого значенія въ жизни народовъ? О, нѣтъ! это значило бы отрицать достоинство одной изъ драгоцѣннѣйшихъ способностей челоѣческаго духа и ума —способности... къ составленію общихъ понятій“ (240). До сихъ поръ это то же, что мы видѣли и выше. Казалось бы даже, что излишне и говорить объ этомъ, такъ какъ признаніе общечеловѣческаго понятіемъ не заключаетъ въ себѣ его отрицанія. Но дѣло въ томъ, что авторъ и самъ, по слѣдамъ предшественниковъ, впадаетъ въ миеологію, приписывая этому понятію иное существованіе, чѣмъ то, какое ему подобаетъ, какъ обобщенію, исходящему отъ лица: „Вмѣсто того, чтобы говорить объ общечеловѣческой цивилизаціи, правильнѣе говорить объ общечеловѣческомъ въ цивилизаціи, т. е. о совокупности такихъ условій культуры, которыя *должны быть* усвоены цѣлымъ кругомъ народовъ, какъ бы эти народы ни расходились во всемъ остальномъ“ (237—8). Если общечеловѣческое имѣетъ принудительную силу для всѣхъ народовъ, то, значитъ, оно представляется чѣмъ-то болѣе существеннымъ, чѣмъ другія обобщенія.

Далѣе авторъ специализируетъ эти условія. Это, во-первыхъ, „тѣ условія, безъ которыхъ немислима нормальная жизнь челоѣка и цѣлаго народа, каковы бы ни были особенности его культуры“... напр. личная безопасность, свобода совѣсти, мысли, слова, обезпе-

ченіе условій народнаго здоровія, продовольствія, образованія и т. д. „Понятіе общечеловѣческаго является (здѣсь) даже основаніемъ критики національныхъ несовершенствъ“, напр. когда съ этой точки отвергается утвержденіе, что „рабство есть естественное призваніе негра“. Во-вторыхъ, это вышнія условія осуществленія человѣческихъ цѣлей, напр.: пути сообщенія, орудія обмѣна, машины, техника въ поэзії и искусствѣ и т. д. (240—1).

Не трудно однако возразить, что все это можетъ разсматриваться только какъ народное. Т. е., напр., съ одной стороны личная безопасность, свобода и пр. каждымъ народомъ понимается различно. Съ другой стороны, даже въ употребленіи и пониманіи вещей, переходящихъ отъ одного народа къ другому, существуетъ большое разнообразіе, — такъ, напр., дикарь можетъ носить подаренный ему мундиръ безъ рубашки и панталоновъ. Еще менѣе замѣтна общечеловѣчность въ приѣмахъ производства. Неужели, напр., авторъ думаетъ, что силлабическое стихосложеніе на русской почвѣ было равно польскому или французскому, или что есть, напр., въ живописи и гравюрѣ не только два народа, двѣ школы, но даже два художника съ одинаковой техникой? Если бы рѣчь шла только о возможности дѣлать отъ всего отвлеченія, то не стоило бы приводить частныхъ примѣровъ; но дѣло идетъ о большемъ, именно о возможности критики народнаго, съ точки зрѣнія общечеловѣческаго. Такая критика однако же настолько же міеологична, насколько была попытка вывести нормальныя условія жизни пещера, или же возможности его акклиматизаціи тамъ-то, изъ свойствъ рода, обнимающаго собаку, волка, шакала и пр.

Но наиболѣе очевидна субстанціація мысли въ самомъ противоположеніи общечеловѣческаго, какъ понятія, народному, какъ реальному явленію. То и другое реально и идеально ровно настолько, насколько реально и идеально понятіе. Такъ видъ въ зоології и ботаникѣ имѣетъ никакъ не болѣе правъ на объективное бытіе, чѣмъ родъ понятія. Русский народъ такъ точно, какъ и понятіе „общечеловѣческое въ цивилизаціи“, — если будемъ на него смотрѣть сверху внизъ, т. е. по направленію къ элементамъ, изъ коихъ оно возникло, — немедленно распадется на частныя: племена, классы, милліоны недѣлимыхъ въ разные вѣка. Очевидно, что крайне ошибочно было бы приписать реальность личности въ отличіе отъ идеальности понятія „народъ“, ибо личность, мое я, есть тоже обобщеніе содержанія, измѣняющагося каждое мгновеніе. Ключъ къ разгадкѣ явленій личной, семейной, родовой, племенной, народной жизни скрытъ глубже, чѣмъ

въ абстракціи, называемой личностью. Отсюда слѣдуетъ, что противоположеніе реальности народа идеальности человѣчества есть весьма плохое лѣкарство отъ неумѣренныхъ претензій національной идеи, выдающей себя за общечеловѣческое. Единственное лѣкарство отъ такихъ ошибокъ мысли состоитъ въ томъ, чтобы держать понятіе незамкнутымъ, открывать его приливу новыхъ элементовъ, который не замедлитъ разрушить понятіе, преобразовавъ его въ новое. Въ иныхъ случаяхъ эти спекуляціи инымъ кажутся болѣе опасными, чѣмъ... ¹⁾: напр., если бы кто сказалъ, что понятіе о единомъ народѣ (такое-то) заключаетъ въ себѣ несомѣстимыя противорѣчія и потому разрушается, то иной могъ бы подумать, что отъ этого пошатнутся столбы государственнаго и народнаго зданія. Но въ успокоеніе такихъ опасеній можно указать на то, что идеи начинаютъ руководить жизнью лишь послѣ, чрезъ длинные періоды, какіе нужны для превращенія ихъ, такъ сказать, въ черноземъ мысли, т. е. въ нѣчто, о чемъ больше не разсуждаютъ.

Преимущество понятія *народнаго*, опредѣляемаго языкомъ, предъ общечеловѣческимъ, или народнымъ въ смыслѣ „идеи національности“, состоитъ въ томъ, что первое объективнѣе въ томъ смыслѣ, что менѣе апіорно, а потому, оно сильнѣе возбуждаетъ изслѣдованіе. Штейнталь ²⁾, сказавши о возникновеніи обособленной личности, какъ продукта духовнаго развитія изъ общаго (das Gemeine, общее и вмѣстѣ прошлое), даннаго природою, продолжаетъ: „Но затѣмъ болѣе благородныя души (Geister) постолько преодолеваютъ ограниченность индивидуальности, что изображаютъ общій законъ и идеалы (das allgemeine, das gemeinsame Gesetz und Ideal)“. Стало быть, по его мнѣнію, расходящіяся линіи дифференцированія преломляются въ высшихъ сферахъ развитія и вновь сближаются другъ съ другомъ. Подобную мысль высказываетъ и Орестъ Миллеръ, говоря о дифференцированіи личности и народа. Появленіе самостоятельной личной мысли и сохраненіе ея при помощи письменности сообщаетъ движеніе народной жизни. „Разнообразясь въ проявленіяхъ своей жизни и движась впередъ, народъ не только не перестаетъ быть, но именно черезъ это дѣлается въ полномъ смыслѣ самимъ собою; чѣмъ болѣе возникаетъ въ народѣ отдѣльныхъ фizioгномій, тѣмъ болѣе всеми эти фizioгноміями *выясняется*, опредѣлится и выступитъ весь наружу общій складъ народ-

¹⁾ Пропускъ.

²⁾ Zeitschrift für Völkerpsychol., II, 1862.

наго духа или *народный типъ*. Именно въ эпоху первобытную, т. е. въ эпоху почти рѣшительнаго несуществованія личностей, народы своими нравами, своею духовною жизнью мало рознятся между собою; потому-то и первобытная пора ихъ устной словесности представляеть безъ всякаго умышленнаго заимствованія другъ у друга несравненно болѣе сходствъ, чѣмъ особенностей. Позже и въ устной словесности, въ силу долгой работы понемногу проникающей и въ нее личной мысли, начинаютъ выражаться и особенности народныхъ. Но только въ литературѣ—конечно здоровой, самостоятельной, и *окончательно и вполне* можетъ выразиться личная фizioгномія народа.

„Между тѣмъ въ этомъ проявленіи личности не только не исчезаютъ общечеловѣческія основы, но, напротивъ, именно въ ней и достигаютъ онѣ своего настоящаго окончательнаго развитія. Такъ точно типъ человѣческаго лица своего высшаго и полнѣйшаго развитія достигаетъ именно въ тѣхъ людяхъ, которые имѣютъ характерную, опредѣлившуюся фizioгномію, а не въ тѣхъ, въ которыхъ не замѣтно ничего, кромѣ общихъ составныхъ частей человѣческаго лица.

„Про лицо, въ которомъ есть только глаза, носъ, ротъ и пр... и во всемъ этомъ ничего особеннаго, ничего такого, что бы принадлежало только одному этому лицу, такъ и хочется сказать: „какое это пошлое, нечеловѣческое лицо!“ Главное въ человѣческомъ типѣ именно и составляетъ способность, во всѣхъ человѣческихъ лицахъ, сохраняя общія свои основанія, въ то же время становиться въ каждомъ изъ нихъ чѣмъ-то единственнымъ въ своемъ родѣ. Поэтому-то и то, что выражаетъ собою всего полнѣе не физическій, а духовный типъ человѣческаго рода—словесность, своего полнаго развитія достигаетъ и со всею ясностью выводитъ наружу *всю глубину* *человѣческаго духа* именно тогда, когда являются въ словесности произведенія отдѣльныхъ лицъ, т. е. личнаго творчества, изъ которыхъ каждое составляетъ нѣчто единственное въ своемъ родѣ“ ¹⁾.

Здѣсь прежде всего нужно устранить ошибочную мысль (или, быть можетъ, лишь ошибочное, безъ нужды миеологическое выраженіе), что „личное творчество выводитъ наружу всю глубину человѣческаго духа“. Какъ будто эта глубина не тогда только и возникла, когда обнаружилась! Какъ будто полнота развитія есть нѣчто

¹⁾ Ор. Миллеръ, Опытъ истор. обозрѣнія русск. слов., стр. 18—19. 1866.

заранѣе данное, но лишь скрытое и спящее до поры, какъ, по мнѣнію, искра въ кремнѣ. Затѣмъ: вѣрно, что дифференцірованіе народовъ связано съ обособленіемъ въ нихъ личностей; но думать, что дифференцірованіе народовъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ общечеловѣчности, это все равно, что думать, что человѣкъ, возвышаясь надъ своими звѣрообразными предками, стремится къ общеживотности. Приближеніе къ общечеловѣчности мы можемъ представить себѣ лишь позади нынѣшняго уровня развитія человѣчества, тамъ, гдѣ и Миллеръ видитъ сходство между народами, независимое отъ заимствованія. Но по направленію къ будущему общечеловѣчность, въ смыслѣ сродства, можетъ только уменьшаться. Она увеличивается лишь въ смыслѣ силы взаимнаго вліянія, подобно тому, какъ съ возникновеніемъ человѣка усиливается его вліяніе на животныя и растенія и наоборотъ.

О НАЦИОНАЛИЗМЪ.

Замѣтка по поводу статьи: Ueber Nationalität, von Dr. Ludwig Rüdiger, Zeitschrift für Völkerpsych. u. Sprachwiss. III B. 1865.

Слово *народъ* перешло отъ отвлеченнаго значенія нарожденія и, быть можетъ, единичнаго значенія (нарожденное, человѣкъ)¹⁾ къ собирательнымъ значеніямъ множества людей, простонародья и націи. Что такое народъ, въ этомъ послѣднемъ и самомъ широкомъ смыслѣ, славянской языкъ отвѣчаетъ намъ сопоставленіемъ синонимовъ народъ—языкъ, и этотъ отвѣтъ и до сихъ поръ вѣренъ. Народность есть то, чѣмъ одинъ народъ отличается отъ другого. Но почему же, именно, извѣстную совокупность населенія мы считаемъ *однимъ* народомъ?

Не по единству происхожденія, и не по сходству внѣшняго типа мы называемъ народъ—народомъ. Народы давно уже перешли за предѣлы племенного единства и раздѣлили между собою многія племена. Еврея, цыгана, финна, татарина, нѣмца, обрусѣлыхъ настолько, что языкомъ ихъ сокровенной мысли сталъ русскій языкъ, мы не можемъ причислять ни къ какому народу кромѣ русскаго. На оборотъ, образованнаго русскаго, нѣмца, француза, несмотря на сходство ихъ внѣшнихъ привычекъ и возможное тождество ихъ со-

¹⁾ На единичность значенія этого слова указываетъ употребленіе его въ Остромиров. Евангеліи для словъ собирательнаго значенія *homines*, *populus*, не только въ единственномъ, но и во множественномъ числѣ „народи мнози“, а также аналогія со словомъ *людъ*, коего единичное значеніе предполагается малорусскимъ уменьшительнымъ *людокъ*, миѣическое—*карликъ*, польское *wielkolud*, великанъ. Къ послѣднему замѣчу, что изъ него, по недослышкѣ, сдѣлали—*верблюдъ*. По свидѣтельству г. Будзиловича о Каменецлитовской вежѣ XIII в. старожилы говорятъ, что ее строили великаны (*верблюды*) стоя на колѣняхъ. (Срезневскій, свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, т. I, 2, 9).

ціальнихъ, политическихъ и религіозныхъ воззрѣній мы отнесемъ каждаго къ своему народу.

Народное единство столь очевидно не состоитъ ни въ географическомъ единствѣ территоріи, ни въ государственномъ, ни въ религіозномъ единствѣ, ни въ сходствѣ внѣшняго образа жизни, пищи, одежды, характера построекъ, нравовъ, обычаевъ, ни въ степени экономического, юридическаго, научнаго и художественнаго развитія, что, не доказывая этого отдѣльными примѣрами, достаточно сослаться на отсутствіе всѣхъ этихъ единствъ въ любомъ изъ великихъ народовъ.

Если же это такъ, то не только лучшая, но и вѣрная, единственная примѣта, по которой мы узнаемъ народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственное, незамѣнимое ничѣмъ и непремѣнное условіе существованія народа есть единство языка.

Какъ бы ни опредѣлялось точнѣйшимъ образомъ это послѣднее понятіе, во всякомъ случаѣ изъ того, что нынѣ извѣстно о языкѣ, слѣдуетъ, что такъ понимаемое народное единство—чисто формальнаго свойства. Языкъ можетъ разсматриваться какъ содержаніе, лишь по отношенію къ отвлеченнѣйшимъ формамъ мысли; но онъ есть форма того, что имъ можетъ быть обозначено; самъ по себѣ онъ содержитъ лишь представленія, т.-е. намеки на мысль, ея символы, исходныя точки, а не ея содержаніе. Онъ есть орудіе сознанія и элементарной обработки мысли, и, какъ орудіе, условливаетъ приемы умственной работы и, до нѣкоторой степени, ея совершенство; но предѣлы ея усовершенности не могутъ быть указаны напередъ.

Поэтому народность, т.-е. то, что дѣлаетъ извѣстный народъ народомъ, состоитъ не въ томъ, что выражается языкомъ, а въ томъ, какъ выражается.

Народное единство есть единство формальное. Несмотря на эту мнимую пустоту содержанія, народность есть великій историческій двигатель, потому что служить средствомъ образованія единства другихъ связей между членами одного и того же народа; единство вѣры, образованности и пр. Народность есть стимулъ, дѣйствующій съ появленія человѣческихъ обществъ, и при томъ независимо отъ того, сознаются ли раздѣляющія ея особенности или нѣтъ.

Человѣку, для достиженія неисчислимаго множества цѣлей, достаточно-только чувствовать себя частью своего народа и пользоваться этимъ, и до сихъ поръ лишь немногимъ ученымъ удавалось уловлять отдѣльныя, сравнительно мелкія черты склада мысли, ха-

рактизирующаго народъ. Изученіе направленій народной мысли, условленныхъ языкомъ, стало быть того, что одно только и должно называться народностью, есть высочайшая задача языкознанія.

Въ этомъ смыслѣ народность имѣетъ мало общаго съ національными стремленіями въ области практической жизни и идеею національности, какъ ее понимаетъ авторъ названной статьи и многіе другіе.

По Рюдигеру, идея національности, или просто національность, возникла лишь въ наше время, на перекоръ успѣхамъ цивилизаціи, единственно потому, что та-же цивилизація устранила нѣкоторыя вліянія враждебныя національности, что она ослабила аскетизмъ христіанства, измѣнила взглядъ на династическія права, разрѣшила муниципальную и сословную замкнутость, дала побѣду демократіи. Такимъ образомъ цивилизація вызвала силу, враждебную высшимъ интересамъ челоуѣчества, ибо національное стремленіе удержало народныя различія вопреки нивелирующей цивилизаціи, *неизбѣжно* переходящей въ несправедливое пристрастіе къ своему, въ незнаніе чужого, въ пренебреженіе и вражду къ нему (98) ¹⁾. Национальность можетъ служить и прогрессу и реакціи, смотря потому, что именно до сихъ поръ препятствовало національному развитію. Такъ напр. національныя стремленія либеральны въ Германіи, гдѣ свободѣ и единству противодѣйствуютъ государи; но они враждебны прогрессу тамъ, гдѣ онъ враждебенъ національности. „Такъ въ Славянскихъ земляхъ ненавидятъ нѣмецкую образованность, т. е. почти всю образованность, какая тамъ есть, и явно стремятся къ варварству прежнихъ вѣковъ“. (103). Другими словами, благо, если „свое“ хорошо, какъ у нѣмцевъ, тогда охраненіе и развитіе его законно, если же это „свое“ дурно,

¹⁾ Образованіе неразлучно со стремленіемъ выйти за предѣлы одного народнаго общеобязательнаго, старается пренебрегать несущественными различіями. Образованный умъ отъ всякаго мнѣнія требуетъ истины, отъ художественнаго произведенія—красоты, отъ учрежденія—цѣлесообразности. Во всякомъ народѣ многое не выдерживаетъ такой повѣрки и нужна особенная любовь къ своему, чтобы считать сказку о древнихъ вѣкахъ народной исторіи за истину, грубую образину грубыхъ вѣковъ—мастерскимъ произведеніемъ искусства, нелѣпый законъ—продуктомъ глубочайшей государственной мудрости. У многихъ народовъ толпа вѣрить подобнымъ вещамъ, а знающіе больше—не смѣютъ ей противорѣчить. (119)

Национальные взгляды необходимо односторонни, и національное чувство немислимо безъ извѣстной несправедливости къ чужимъ (118).

какъ у Славянъ, то любовь къ нему и ея послѣдствія—преступленіе противъ челоѣчества. Очевидно здѣсь говорится не о народности въ принятомъ нами смыслѣ. Во первыхъ народность, какъ основная народная связь, возникла не вчера, а въ одно время съ народами. А развѣ народовъ не было до нашего столѣтія? Развѣ сознаніе народнаго единства не высказывалось въ отдаленные вѣка Русской исторіи и не было, въ соединеніи съ другими силами, двигателемъ великихъ событій? Дѣло другое сознательное примѣненіе народности ко внѣшней и внутренней политикѣ. Оно, хотя и не въ нашъ вѣкъ впервые появилось, но, безъ сомнѣнія, есть явленіе позднѣйшее и относится къ народности, какъ эксплуатація народной силы къ ея существованію. Во вторыхъ, такъ называемая, новая національность оказывается не формою, а извѣстнымъ содержаніемъ, коей значительная доля есть ложь, достояніе невѣжественной массы. По этому образованность вредна національности, стираетъ народныя различія. Но если народъ есть форма, то все это не можетъ къ ней относиться. Умственная дѣятельность народа можетъ производить продукты отдѣлимые отъ языка, какъ отъ своей формы, и безъ существеннаго ущерба переложимые на другіе языки. Чѣмъ болѣе такихъ отдѣльныхъ продуктовъ, тѣмъ выше всемірное значеніе цивилизаціи извѣстнаго народа.

Въ большинствѣ случаевъ мы лишь а priori предполагаемъ зависимость умственной продуктивности отъ языка (resp. народнаго), но не въ состояніи его уловить.

Что изъ выработаннаго народомъ можетъ быть совмѣщено съ иностранной формой и получить общее значеніе, а что нѣтъ, объ этомъ могутъ правильно судить заимствующие, а не тѣ, у кого заимствуютъ: если же послѣдніе берутъ на себя роль судей въ чужомъ дѣлѣ, то сужденія ихъ сплошь и рядомъ бываютъ крайне односторонни. Ихъ требованія отъ заимствующихъ похожи на то, какъ если бы кто, наваривши каши для себя и для другихъ, потребовалъ, чтобы эти другіе, изъ благодарности, вмѣстѣ съ кашей съѣли и горшокъ, въ которомъ она варилась. Такъ многіе нѣмцы, видя, что славяне не хотятъ ихъ формы, подобно Рюдигеру, провозглашаютъ, что славяне, въ силу своей народности, чуждаются образованности вообще и стремятся къ варварству темныхъ вѣковъ.

Заимствованіе инороднаго содержанія, отдѣлимаго отъ своей формы, не можетъ быть вредно народности по той же причинѣ, по которой взаимное пониманіе между отдѣльными лицами не влечетъ за собою и умственнаго и нравственнаго однообразія. Взаимное по-

ниманіе между лицами говорящими однимъ языкомъ, какъ доказано нѣмецкими учеными, состоитъ не во внѣшней передачѣ извѣстнаго содержанія, а во взаимномъ возбужденіи мысли: слово, сказанное однимъ вызываетъ въ другомъ тоже представленіе (т. е. признакъ, коимъ слово обозначаетъ извѣстное содержаніе), а представленіе вводитъ въ сознаніе весь комплексъ мысли, связанной съ нимъ при этомъ. Содержанія слова у обоихъ говорящихъ не тождественны.

Разница между пониманіемъ чужого и своего языка только та, что слово чужого языка вызываетъ въ понимающемъ не то же представленіе, а другое, ему соотвѣтствующее. Здѣсь одинъ языкъ вызываетъ дѣятельность другого....

Германофилы недовольны такимъ положеніемъ вещей и хотѣли бы невозможнаго, именно, чтобы и на второе, третье поколѣніе разрозненныхъ нѣмецкихъ колонистовъ въ славянскихъ земляхъ, сѣверной Америкѣ и пр. вліяніе семейнаго языка и отдаленнаго фактора было могущественнѣе вліянія окружающей среды.

Быть можетъ тѣ, которые согласятся, что заимствованіе инороднаго содержанія посредствомъ хорошихъ переводовъ вообще не вредить своеобразности языка, скажутъ: языкъ индивидуализируетъ отдѣльныя личности и народы.

Мы замѣчаемъ въ нашемъ письменномъ языкѣ измѣненія, которыя называютъ „*побѣдами*“ народнаго языка надъ ненародною частью книжнаго. Стало быть книжный языкъ борется съ народнымъ и послѣдній одолеваетъ. Сочувствіе наше должно быть на сторонѣ побѣдителя, потому что „наши мѣстные говоры образованы правильнѣе, вѣрнѣе и проще, чѣмъ нашъ письменный *жаргонъ*“ (Даль гл. I. V).

Отсюда заключаемъ, что дѣло идетъ къ окончательному вытѣсненію письменнаго языка народнымъ.

Народнымъ, но какимъ? Народныхъ говоровъ много, а письменный языкъ предполагается одинъ, по крайней мѣрѣ, въ видахъ объединенія умственной дѣятельности всего народа, одинъ главный. Слѣдовательно одинъ языкъ образованный изъ народныхъ говоровъ, существенный признакъ коихъ есть дробность, будетъ такъ сказать вытяжкою изъ нихъ, стало быть не имъ самимъ, не языкомъ народнымъ въ томъ смыслѣ какъ народны нынѣшніе русскіе говоры, а чѣмъ то другимъ.—Чѣмъ-же?...

110

11-20-21

наимено - 22, 36, 44, 55, 61, 152

27, 71

88 (основные процессы
гипотезы)

94, 110

р-с 147, 149, 150, 153

некоторые 153, 164

Словосочетание 154

некоторые 155, 183

магистры 171

№3958

20—

